

МАРСО
Алиса

Провинциалка

ВЛД

БОССА

18+

Алиса Марсо

Провинциалка для босса

<https://litres.ru/74072823>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я приехала в Питер за другой жизнью.

Он не должен был занять мои мысли: закрытый, опасный, с прошлым, о котором лучше не знать.

Он – мой босс, и смотрит так, что хочется выйти из комнаты. Или остаться навсегда.

Я решила остаться и даже не подозревала, чем это обернется. Один документ в архиве, враг из его прошлого, притяжение, которому невозможно противостоять.

– Это опасно, – говорит он. – То, что происходит между нами для тебя опасно.

– Ты уже говорил это. Я не уйду.

– Я не умею быть простым.

– Знаю.

– Я причиняю боль. Это не намеренно, но это происходит.

– Со мной не происходило.

– Это пока.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Алиса Марсо

Провинциалка для босса

Глава

Пролог

Я уходила, молча, не хлопая дверью. Нет, я не из таких. Просто взяла пальто, взяла сумку, встала у выхода из его кабинета.

– Карина.

Я не обернулась.

– Карина, – повторил он тише, иначе.

Вот это «иначе», оно всегда работало. Всегда. Что-то есть в том, как он произносит мое имя, когда не хочет, чтобы я уходила. Не просьба, не приказ, что-то между этими понятиями, что-то только сугубо наше, понятное нам.

Я остановилась. Ненавидела себя за это, но остановилась все равно.

– Что?

– Послушай меня.

– Я тебя слушала. Весь вечер слушала.

– Ты слышала слова. Не то, что за ними.

Я обернулась.

Он стоял посреди кабинета без пиджака, рукава закатаны, как всегда, когда работал допоздна. За окном декабрьский Питер горел огнями. Красиво. Мне было не до красоты.

– Тогда скажи, что за ними, – попросила я. – Прямо скажи, как ты умеешь. Я же знаю, что умеешь. Когда хочешь.

Пауза.

– Это опасно, – сказал он, наконец. – То, что происходит между нами. Для тебя опасно.

– Ты уже говорил это. Месяц назад. И два месяца назад.

– И был прав.

– Виталья, – я посмотрела на него. – Кравец проиграл суд, стройка идет, опасность позади.

– Эта, да. Я говорю о другой.

Я молчала. Ждала. Он умел молчать дольше меня, я знаю это.

– Я не умею быть простым, – сказал он тихо.

– Знаю.

– Я закрываюсь, причиняю боль. Это не намеренно, но это происходит. Происходило раньше.

– Со мной не происходило.

– Это пока.

Вот оно. Вот это слово «пока». Оно уже было однажды, и каждый раз резало одинаково.

– Значит, ты хочешь остановить это сейчас? – мой голос ровный, но внутри все натягивается и начинает трещать, потому что с ним истерики не сработают.

– Я хочу, чтобы ты понимала, на что идешь.

– Я понимаю. Уже семь месяцев понимаю, – делаю шаг к нему, всего один. – Ты думаешь, что защищаешь меня, но ты защищаешь себя. От того, чтобы снова не потерять.

Он смотрит так проникновенно, словно прямо в душу.

Я видела, что попала в точку. Не жестоко, не специально, просто правда иногда бьет именно так. Точно и больно.

– Карина, – говорит он с упрямством.

– Она погибла и это страшно. Это несправедливо, – снова бью правдой и не отвожу взгляда. – Но я – не она. И Кравец больше тебе не угрожает.

– Ты не знаешь, что будет завтра.

– Никто не знает, только это не повод не жить сегодня.

Тишина.

Долгая, живая. Питер за окном. Декабрь. Его лицо открытое, уязвимое, которое я видела лишь однажды и которое вижу сейчас.

Он боялся. По-настоящему. Не Кравца, не суда, не опасности, он боялся вот этого: меня рядом, того что я стану важной, тем, кого можно потерять.

Я понимала это и все равно стояла здесь.

– Виталя, – я подхожу еще ближе. – Посмотри на меня.

Он смотрел. Все время смотрел.

– Я не прошу гарантий. Я не прошу обещаний. Я прошу тебя не решать за меня.

Что-то в его лице дрогнуло. Он поднял руку, медленно

коснулся моей щеки теплой, осторожной ладонью.

Я не двигалась. Дышала.

– Если я причиню тебе боль, – сказал он. – Ты не простишь.

– Но если ты прогонишь меня сейчас, я не вернусь. Это ты тоже должен знать.

Вот оно. Вот где граница. Я сама не знала что она здесь, пока не сказала. Но сказала. И это была правда.

Он смотрел на меня. Рука на щеке. Декабрь за окном. Питер, который не спал.

Я видела, как он думает, как взвешивает, как в нем борется то, что умеет держать все под контролем и то живое, горячее, которое я видела иногда и из-за которого осталась в этом городе.

Я не знала, что он выберет. Я не знала, что он скажет через секунду. И вот это незнание, оно было невыносимым.

Глава 1

Поезд опоздал на семь минут.

Семь минут. Это ничто, я знаю. Но когда ты стоишь в тамбуре с рюкзаком на плечах и сумкой в руке, и смотришь, как за окном медленно, мучительно медленно проплывают питерские крыши, эти семь минут растягиваются в вечность.

Пермь провожала меня дождем. Питер встретил туманом.

Я вышла на перрон Московского вокзала и первые секунды просто стояла.

Добро пожаловать, Карина.

Я ехала сюда три месяца. Не на поезде, в голове. Откладывала деньги, собирала документы, рассылала резюме. Мама говорила: зачем тебе Питер, здесь тоже есть работа? Я отвечала: мам, здесь другая работа.

Она замолкала. Я тоже. Мы обе знали, что дело не только в работе.

Дело было в Артеме, в том, что он остался в Перми с новой девушкой, у которой папа держит автосалон и квартира в центре. Дело было в том, что я два месяца ревела по ночам, а потом в одно утро встала, умылась и сказала себе: хватит, ты умная, ты справишься. Езжай и докажи это себе, а не ему.

Ему доказывать уже не нужно. Мне нужно.

Невский проспект я увидела из окна автобуса и впечатлилась так, что перехватило дыхание. Огромный, широкий, самоуверенный. Дома смотрят на тебя сверху вниз, знаем мы таких, мол, приезжих, вы все здесь одинаковые. Приезжаете с горящими глазами, уезжаете с потухшими.

– Нет, – сказала я шепотом. – Не я.

Комнату я сняла заранее через интернет. Коммуналка на Лиговском, третий этаж без лифта, окно выходит во двор-колодец. Хозяйка, Вера Николаевна, шестьдесят лет, халат в розовый цветочек, взгляд оценивающий, открыла дверь, посмотрела на меня с ног до головы и сказала:

– Маленькая. Откуда?

– Из Перми.

– Понятно, – она посторонилась. – Курить нельзя, гостей после десяти нельзя, за холодильник платишь отдельно. Ключ на гвоздике.

Вот и все знакомство.

Комната оказалась меньше, чем на фото. Кровать, стол, шкаф-купе с одной рабочей дверцей, окно с видом на кирпичную стену. Пахло старым деревом и чужой жизнью. Я поставила сумку на кровать, рюкзак на стол и несколько секунд стояла посреди комнаты.

Ну и зачем ты сюда приехала, Карина Светлова?

За другой жизнью. За собой. За тем, чтобы однажды мама перестала работать в двух школах одновременно.

Ладно. Хватит философствовать.

Я достала телефон и позвонила маме.

– Карина! Доехала? Все хорошо?

– Все хорошо, мам. Комната нормальная, хозяйка нормальная. Завтра первый день на работе.

– Господи, уже завтра... Ты поела?

– Мам.

– Что мам? Я спрашиваю, поела ты или нет!

– Поем. Все хорошо, правда.

Все было не очень хорошо. Но зачем ей знать.

* * *

Офис группы компаний «Громстрой» находился на Петроградской стороне.

Я нашла его адрес в письме с подтверждением, но все рав-

но трижды перепроверила на картах.

Я остановилась перед входом и подняла голову.

Двадцать этажей, стекло и сталь, где-то там, наверху, за одним из этих окон сидит человек, которому принадлежит все это.

Не думай об этом. Ты сюда работать пришла, а не думать о хозяине компании.

Я поправила пиджак, лучший из того, что у меня есть, но все равно не то, и вошла.

Ресепшн был огромным, белый мрамор, живые цветы, девушка-администратор с такой правильной улыбкой, что хотелось спросить, сколько времени ее тренировали. Я назвала свое имя. Девушка посмотрела на меня коротко, без интереса, проверила список, выдала пропуск.

Она была в костюме за, наверное, больше, чем моя месячная зарплата, волосы, как из рекламы шампуня, ногти идеальные. Я почувствовала себя воробьем, который залетел в оперный театр.

Не смотри на нее так, Карина. Ты сюда работать пришла. Девятый. Юридический отдел.

В лифте я смотрела на свое отражение в зеркальных дверях. Светло-русые волосы собраны в хвост, аккуратно, серьезно. Серый пиджак, белая блузка, туфли на небольшом каблучке, не высоком, потому что высокий я не люблю, но приличном. Я выглядела как человек, который очень хочет казаться более взрослым, чем есть.

Двадцать два года, помощник юриста из Перми, без связей, без знакомых, без папиного автосалона.

Зато с дипломом с отличием. И с характером. Это тоже что-то значит.

Справлюсь.

Двери лифта открылись.

*

Кадровичку звали Марина Сергеевна.

– Значит, Светлова. Помощник юриста, – она сняла очки. – Испытательный срок три месяца. За опоздания штраф. Дресс-код деловой, не деловой-casual, а деловой. Понимаете разницу?

– Понимаю.

– Хорошо, – она снова надела очки. – Рабочее место у опенспейсе, стол третий от окна. Вот пропуск, вот логин для системы, вот внутренние правила. Прочитайте сегодня же. Вопросы?

– Пока нет.

– Тогда идите.

Вот так. Ни добро пожаловать, ни удачи. Просто: идите.

Я вышла и почти сказала спасибо. Вовремя остановилась. За что спасибо? За пакет правил и список запретов? Нет уж.

Мама всегда говорила, что я слишком вежливая, что люди этим пользуются. Может, она права.

Опенспейс встретил меня звуком клавиатур и приглушенными разговорами. Человек двадцать за столами, у каждого

монитор, у некоторых два. Кто-то говорил по телефону, кто-то тихо переговаривался с соседом. На меня почти никто не обратил внимания.

Почти.

– Ты новенькая? – голос раздался справа, когда я нашла свой стол и поставила сумку на стул.

Я обернулась. За соседним столом сидела девушка примерно моего возраста: темные волосы, яркая помада, которая, кажется, не очень вписывалась в деловой дресс-код, и взгляд живой, любопытный.

– Новенькая, – подтвердила я.

– Лена, – она протянула руку. – Лидова. Помощник менеджера по проектам, второй год. Откуда?

– Карина. Из Перми.

– О, далеко забралась! Сразу предупреждаю: кофе в автомате на этаже отвратительный, нормальный на третьем, но туда надо пропуск. Обед с часу до двух, но реально все уходит в половину второго. И главное правило... – она немного понизила голос. – Если по коридору идет Громов, смотри в бумаги.

– Громов?

– Виталий Андреевич. Собственник. Он иногда обходит этажи. Редко, но бывает. И лучше в эти моменты быть очень, очень занятой. Понимаешь?

Я кивнула.

– Он такой страшный?

Лена чуть прищурилась, как будто подбирала слова.

– Он не страшный. Он... другой. Когда он входит в комнату, меняется давление. Вот так точнее всего, – она пожала плечами. – Но ты, скорее всего, вообще, с ним не пересеешься. Помощники юриста ему не интересны.

«Хорошо», – подумала я. Пусть так и будет.

Первые три часа я читала внутренние правила, разбираюсь в системе документооборота и пила отвратительный кофе из автомата.

Лена оказалась права насчет кофе.

К обеду я уже примерно понимала, где что лежит, кто есть кто в отделе, и почему все разговаривают вполголоса даже когда нет никакой причины. Атмосфера здесь была такой: тихой, напряженной, как перед грозой. Все работали, никто не филонил, никто не смеялся слишком громко.

Я так и не поняла: корпоративная культура это или просто страх.

После обеда мне дали первое задание: разобрать архив договоров за прошлый квартал и занести их в реестр. Работа скучная, но понятная. Я включила наушники, нашла нужную папку на сервере и начала.

Где-то вначале третьего я встала, чтобы распечатать один из документов.

Принтер был в конце коридора. Я шла, смотрела на телефон, проверяла настройки печати, и поэтому не увидела, что дверь слева от меня открылась.

Я вошла в нее автоматически, просто потому что она открылась, и я решила, что это принтерная комната.

Это была не принтерная комната.

Большой кабинет, темная мебель, высокие окна, вид на залив. Я успела заметить это краем глаза. Стол огромный, в другом конце. И за столом человек.

Он поднял взгляд.

Не сразу. Сначала дочитал строчку в документе. Я это видела, потому что стояла как вкопанная и почему-то не могла пошевелиться. Потом отложил бумагу. Потом посмотрел на меня.

Темные глаза. Холодные. Изучающие.

Лет сорок пять, может больше. Я не успела понять. Короткие темные волосы, седина на висках. Широкие плечи под дорогим пиджаком. Никакого выражения на лице. Абсолютно никакого, как будто появление незнакомой девушки в его кабинете было настолько мелким событием, что не заслуживало даже удивления.

Мы смотрели друг на друга, наверное, секунду. Может две.

Потом я сказала:

– Извините. Я не туда.

Он не ответил. Просто смотрел.

Я вышла, закрыла дверь, прислонилась к стене в коридоре и несколько секунд просто дышала.

Это был он.

Я не знала точно, но знала, что так смотрят только люди, которым принадлежат вещи вокруг них: кабинет, коридор, здание, все.

Атмосферное давление. Лена сказала точно.

Глава 2

Вечером я сидела на кровати в своей новой комнате, ела гречку с тушенкой, взяла в магазине по дороге, и смотрела в стену.

За стеной переговаривались соседи, откуда-то сверху доносилась музыка. Двор-колодец собирал все звуки и держал их внутри себя, как ловушка.

Я думала о нем.

Нет. Стоп. Не о нем. Просто о первом дне. О том, что справилась, не потерялась, не наделала глупостей. Ну, кроме одной. Но ничего страшного, перепутала дверь, это бывает. Он, скорее всего, уже забыл.

Темные холодные глаза. Нет, такие не забывают.

Стоп, Карина.

Я убрала тарелку, достала ноутбук и открыла список дел на завтра. Работы было много. Это хорошо. Работа, вот зачем я сюда приехала. Не за мужчинами, не за красивыми видами из чужих кабинетов, не за историями, которые начинаются с неловко открытой двери.

Я приехала сюда за другой жизнью. И я ее получу.

Спала я плохо.

Незнакомый потолок, незнакомые звуки, чужой запах в комнате. В три ночи проснулась оттого, что за стеной кто-то громко говорил по телефону. Голос мужской, раздраженный, слов не разобрать. В пять снова. В семь встала, потому что дальше лежать было бессмысленно.

В душ стояла очередь. Оказывается, в коммуналке еще три жильца, которых вечером я не видела. Вера Николаевна на кухне пила чай и смотрела новости.

Я выпила кофе стоя и посмотрела в окно: двор все такой же серый, небо затянуто. Типичный питерский апрель, предупреждали меня.

В офис пришла за пятнадцать минут до начала рабочего дня.

Лена уже была на месте.

– О, – сказала она, увидев меня. – Серьезная.

– Стараюсь.

– Хорошо, – она протянула мне кружку. – Держи, принесла с третьего. Тебе еще нет пропуска туда, я узнала. Придется пока пользоваться моим.

Я взяла кружку.

– Спасибо.

– Не благодари, – она улыбнулась. – Просто потом расскажешь мне, зачем вчера заходила в кабинет к Громову.

Я смотрела на нее секунду. Она принесла мне кофе. Просто так. Незнакомому человеку, которого видит второй день. Такое маленькое, незначительное внимание, но у меня вдруг

стало теплее внутри.

Не раскисай, Светлова.

Я чуть не поперхнулась кофе.

– Откуда ты знаешь?

– Марина с ресепшн сказала Оле из бухгалтерии, Оля сказала мне, – Лена развела руками. – Это маленький офис. Здесь все знают.

– Я перепутала дверь.

– Ага, – она смотрела на меня с любопытством. – И?

– И все. Извинилась и вышла.

– Он что-нибудь сказал?

– Нет.

Лена помолчала секунду.

– Это хорошо, – сказала она, наконец. – Значит, ты ему была неинтересна. – Она повернулась к монитору. – Это хорошо, Карина. Поверь.

Я кивнула.

Неинтересна. Да.

Так и должно быть. Я сотрудник, он собственник. Я пришла работать, а не нравиться.

Но все равно было неприятно. Вот это меня и злило больше всего. Не слова Лены, а то, что мне было неприятно. Значит, где-то внутри я уже успела что-то почувствовать. Что именно, я старалась не формулировать.

Не надо. Рано.

Да и, вообще, не надо.

День прошел без происшествий.

Я разобрала архив, занесла договоры в реестр, помогла одному из юристов, Дмитрию Александровичу, найти нужный прецедент в базе данных. Он сказал спасибо, что уже было приятно. Обед съела за рабочим столом, потому что идти в одиночестве в столовую казалось грустным.

В половину пятого по коридору прошел Антон.

Антон я уже знала. Лена показала в первый день. Высокий, плечистый, лет тридцати пяти, всегда в темном. Личный охранник и правая рука Громова. Смотрит так, как будто просчитывает, насколько ты опасен и чем это может закончиться. Ответ, судя по всему, всегда один: не опасен, закончится ничем.

Он прошел мимо, не глядя на меня.

Через минуту по тому же коридору прошел Громов.

Я успела вспомнить наставление Лены: смотри в бумаги. Уставилась в монитор. Боковым зрением видела, как он идет. Ровно, не быстро, с той уверенностью в каждом шаге, которую не натренируешь. Это или есть, или нет.

Он остановился около стола Дмитрия Александровича, тихо спросил что-то, тот ответил, Громов кивнул, я видела это краем глаза, и пошел дальше.

Мимо меня.

Я не подняла голову, смотрела в экран, читала одну и ту же строчку договора раз пять, потому что слова не складывались.

Он прошел, а я выдохнула и поняла, что только что задержала дыхание.

Атмосферное давление.

Да, Лена, ты была права.

И что мне теперь с этим делать? Задерживать дыхание каждый раз, когда он проходит мимо? Нет. Это глупо. Это не я.

Я умею держать себя в руках. Я умею смотреть в экран и не краснеть. Просто нужно немного времени, чтобы привыкнуть. К нему. К этому месту. К тому, что он здесь, существует где-то на двадцатом этаже.

Привыкну. Точно привыкну.

Вечером я позвонила маме снова.

– Ну как второй день?

– Нормально. Работы много, коллеги нормальные.

– Питаешься?

– Мам, да.

– Карина, ты уезжала такая тощая...

– Я не тощая. Я стройная. Это разные вещи.

Мама засмеялась. Я улыбнулась, хотя она не видела.

– Там правда хорошая работа? – спросила она, и в голосе услышала то, что она не говорила: правда стоило уезжать?

– Правда хорошая, мам. Серьезная компания. Перспективы есть.

– Ты осторожно там. Большой город.

– Я осторожно.

– И если что-то не так, сразу скажи. Не молчи, как обычно.

– Мам.

– Что мам?

Я помолчала.

– Все хорошо. Правда.

Я положила трубку и несколько минут лежала на кровати, глядя в потолок. Завтра третий день, потом четвертый, потом неделя, месяц, три месяца, испытательный срок. И потом посмотрим.

Я приехала сюда за другой жизнью. Она уже начинается. Просто я еще не понимаю как.

И с кем.

Иногда я представляла себе эту жизнь, по-детски, наивно, я знаю. Своя квартира когда-нибудь, пусть маленькая, интересная работа, человек рядом, который выбирает тебя не потому что так удобно, а потому что хочет именно тебя.

Может, это слишком много хотеть.

Но я не умею хотеть меньше. Никогда не умела. И все это я обязательно получу.

На пятый день меня включили в протокольную группу. Дмитрий Александрович подошел к моему столу в половину десятого с видом человека, которому поручили неприятное дело.

– Светлова, сегодня в одиннадцать большое совещание по объектам. Протокол вести некому, Галина заболела. Пойдете вы.

– Хорошо.

– Задача простая: записывать, не встречать, не задавать вопросов. Все фиксировать. После совещания расшифровать и прислать мне до конца дня.

– Поняла.

Он ушел. Лена, которая все слышала, развернулась ко мне с круглыми глазами.

– Ты понимаешь, что это?

– Совещание по объектам.

– Это не просто совещание по объектам, – она говорила почти шепотом, хотя вокруг никого не было. – Там будет Громов. Лично. Он редко спускается на такие вещи, но по крупным объектам всегда сам. Карина. Там будет Громов.

Я это уже поняла с первого раза. Поняла и постаралась сделать вид, что мне все равно.

– Лена, я иду записывать протокол, а не на свидание.

– Я знаю. Просто... держись подальше от его взгляда. Seriously.

– От взгляда?

– Когда он смотрит на человека на совещании, это значит, что человек сказал что-то не то. А это нехорошо заканчивается.

Глава 3

Переговорная на девятом этаже называлась просто: зал А.

Я пришла за десять минут, народу уже было человек во-

семь: заместители, руководители проектов, кто-то из финансов. Все в костюмах, все с папками и ноутбуками, все разговаривали вполголоса и как-то чуть напряженнее, чем обычно. Я нашла место у стены, подальше от стола, достала блокнот и ручку.

Старомодно, да, но я думаю лучше, когда пишу от руки. Потом расшифрую.

Еще несколько человек вошли. Стол постепенно заполнялся. Я смотрела на блокнот, на ручку, на свои руки. Руки не тряслись. Это хорошо.

Зачем им трястись? Я просто записываю. Меня здесь почти нет.

Потом вошел он.

Я не смотрела на дверь. Я поняла, что он вошел, потому что разговоры за столом стихли. Не резко, а плавно, как музыка, которую убавляют. Секунда, другая, и тишина.

Я подняла взгляд.

Виталий Громов шел к торцу стола так же, как ходил по коридору: ровно, без спешки, как будто время у него работало иначе, чем у всех остальных. Темный костюм, белая рубашка, никакого галстука. Папка под рукой. Он сел, открыл ее, и не посмотрел ни на кого.

Просто начал.

– По первому объекту. Кузнецов.

Один из замов, плотный мужчина лет пятидесяти, выпрямился.

– Виталий Андреевич, по Приморскому у нас задержка в поставках. Подрядчик...

– Сколько.

– Что?

– Сколько дней задержка.

– Четырнадцать. Но они обещают...

– Они обещают, – повторил Громов, тихо, без интонации.

– Штрафные санкции применили?

Кузнецов замолчал на секунду. Слишком долго.

– Пока нет. Мы думали дать им...

– Применить. До конца дня. Следующий объект.

Я записывала. Быстро, почти не поднимая головы. Краем сознания отмечала: Кузнецов покраснел, сосед Кузнецова смотрит в стол, все остальные смотрят в стол или в бумаги.

Никто не смотрит на Громова, кроме того, к кому он обращается.

Это не страх, поняла я вдруг. Это что-то другое. Уважение? Нет, уважение выглядит иначе. Это скорее... признание. Что он здесь главный. Что спорить бессмысленно. Что лучше сделать правильно сразу.

Совещание шло своим ходом, объект за объектом. Громов говорил мало, но каждое слово было как точка в конце предложения, окончательно, без обсуждений.

Один раз он остановился на каком-то финансовом показателе, который ему не понравился, посмотрел на цифру в таблице, потом на человека, который ее подготовил.

Человек, молодой парень из финансов, побледнел.

– Это предварительные данные, Виталий Андреевич. Окончательные будут к пятнице.

– К пятнице они мне не нужны. Они мне нужны были вчера. Ермолов, объясните коллеге, что такое дедлайн.

Кто-то рядом тихо выдохнул или мне показалось.

Я записывала, рука двигалась сама по себе, а голова думала о другом.

Он не кричал. Ни разу. Голос у него был ровный, почти спокойный. Но в этом спокойствии было что-то, от чего хотелось либо работать лучше, либо выйти из комнаты. Третьего не дано.

Я бы работала лучше. Я точно знаю.

На двадцать третьей минуте я уронила ручку.

Она упала со звуком, который в тишине прозвучал примерно как выстрел. Покатилась по полу. Остановилась у ножки стула соседа.

Провалиться бы сквозь землю прямо сейчас. Немедленно.

Я нагнулась, подобрала ручку, выпрямилась. Щеки горели, я уставилась в блокнот и почти физически ощутила: на меня смотрят.

Я не подняла голову.

Не поднимай. Не смотри. Просто пиши.

Совещание продолжилось. Кто-то что-то говорил про сроки сдачи на Васильевском. Я писала. Постепенно щеки остывали.

Ничего страшного, все роняют ручки. Это не катастрофа. Просто неловко, и все.

Хотя именно сейчас, именно здесь, именно при нем хотелось, чтобы этого не было.

Стоп. При нем? При чем здесь он?

Ни при чем. Пишем дальше.

Совещание закончилось ровно через сорок минут.

Люди начали подниматься, переговариваться, собирать бумаги. Напряжение в комнате осело, стало легче дышать. Я закрыла блокнот и потянулась за сумкой.

– Кто это?

Голос был тихий, но я его узнала и замерла.

Говорили не мне. Громов стоял у выхода и разговаривал с Антоном, который, оказывается, все совещание простоял у двери. Я не заметила. Антон что-то ответил вполголоса. Я не слышала что.

Громов кивнул и вышел.

Это был он. Голос. Вопрос.

Кто это?

Обо мне? Или о ком-то еще? Я не знала. Комната постепенно пустела, а я все сидела и смотрела в закрытый блокнот, пытаюсь понять, почему у меня так странно бьется сердце.

Наверное, просто ручку уронила. Стресс.

Конечно стресс. Что же еще.

Лена ждала меня у лифта.

– Ну? Как?

– Нормально. Все записала.

– Он на тебя смотрел?

Я нажала кнопку лифта.

– Лена.

– Что Лена? Я спрашиваю.

– Я сидела у стены и записывала протокол. Он смотрел на людей, которые докладывали. Я туда не входила.

– А когда ты ручку уронила?

Вот значит как. Уже знает.

– Так смотрел?

Лифт приехал. Я вошла.

– Не знаю, – сказала я честно. – Я не смотрела на него.

Лена зашла следом и посмотрела на меня с видом, который говорил: не верю, но допускаю.

Хорошо, что не верит, значит, я хорошо держусь. Потому что я, конечно, не смотрела на него, почти, два раза, нет, три, но это не считается, это было краем глаза, это рефлекс, это ничего не значит.

Совсем ничего.

Протокол я расшифровала за два часа. Работа оказалась интереснее, чем я думала. Пока записывала от руки, не до конца понимала, что происходит, а сейчас, когда перечитывала и структурировала, картина складывалась. Объекты, сроки, подрядчики, проблемы. Громов видел все это как единое целое, и его вопросы, короткие и точные, попадали именно туда, где была слабина.

«Умный», – подумала я и тут же одернула себя.

Не думай о нем, делай работу.

В пять часов я отправила протокол Дмитрию Александровичу, через три минуты пришел ответ. Одно слово. Хорошо.

Для него это, наверное, комплимент. Я выключила монитор и стала собираться. Лена уже ушла, в отделе оставались только двое. Я накинула куртку, взяла сумку.

У лифта меня нагнал Антон.

Я его не слышала, он просто оказался рядом, когда я нажала кнопку.

– Светлова?

Я обернулась. Антон смотрел на меня с тем же выражением, что всегда: спокойно, внимательно, как будто фотографирует и сразу оценивает результат.

– Да?

– Вы новый юрист?

– Помощник юриста.

Он кивнул, помолчал секунду.

– Громов Виталий Андреевич спрашивал, кто вел протокол сегодня.

Сердце провалилось куда-то вниз. Или вверх. Непонятно.

– Это я. Галина заболела, меня попросили заменить.

– Понятно.

Лифт приехал, Антон отступил в сторону, я вошла, двери начали закрываться.

– Хороший протокол, – сказал Антон. Двери закрылись.

Я стояла в лифте и смотрела на свое отражение в зеркальных дверях.

Хороший протокол. Громов спрашивал.

Значит, все-таки заметил. Не ручку, которую я уронила, а работу. Он заметил работу.

Я не знала, что с этим делать, не знала, хорошо это или плохо, опасно или нет, радоваться или осторожничать.

Я знала одно: сердце до сих пор бьется чуть быстрее, чем нужно. И злило меня это ужасно.

Глава 4

Домой я шла пешком. Не потому что недалеко, а потому что нужно было подышать.

Лиговский проспект в апреле пах мокрым асфальтом и где-то далеко, если очень постараться, весной. Я шла и смотрела под ноги. Думала.

Он спросил, кто вел протокол.

Это ничего не значит. Руководители всегда хотят знать, кто работает с их документами. Это нормально. Это профессиональный интерес, не личный.

Конечно, не личный. Ему сорок пять лет, и он владеет строительной империей. А мне двадцать два, и я помощник юриста из Перми, которая пять дней назад уронила ручку на его совещании.

Все очень просто.

Я остановилась у маленького цветочного киоска на углу.

Сама не знаю зачем. Хозяйка, женщина лет шестидесяти в пуховом жилете, посмотрела вопросительно.

– Что-то хотите?

– Просто смотрю, – я кивнула на ведро с тюльпанами. – Красивые.

– Свежие, сегодня привезли. Берете?

У меня было две тысячи рублей в кармане до следующей зарплаты.

– Нет, спасибо.

Женщина пожала плечами. Я пошла дальше.

Когда-нибудь буду покупать себе цветы просто так, без повода и без счета в голове. Это одно из моих тихих обещаний самой себе. Маленькое, глупое, но мое.

Вечером Лена написала в мессенджер.

«Узнала точно. Антон по заданию Громова узнал, кто ты. Это не случайно».

Я долго смотрела на экран телефона, потом все же ответила.

«И что это значит?»

«Не знаю, но Громов просто так ничего не делает».

«Может, он просто хотел знать, кто имеет доступ к протоколам совещаний? Это логично», – предполагаю я, хотя понимаю, что совсем неубедительно.

«Карина!»

Даже вижу, как Лена укоризненно улыбается.

«Что?»

«Ты умная, но иногда слишком стараешься найти простое объяснение там, где его нет».

Я положила телефон на кровать и уставилась в потолок.

Простое объяснение. Да.

Простое объяснение, оно самое безопасное. Это то, которое не заставляет сердце биться не в ритм. Это то, которое позволяет нормально работать, нормально спать и не думать о человеке, о котором нельзя думать.

О котором, вообще, не нужно думать.

О котором я и не думаю.

Совсем.

Ночью мне приснилась Пермь.

Мамина кухня, запах блинов, радио на подоконнике. Все маленькое, теплое, знакомое. Я стояла посреди кухни и понимала, что уезжаю, и не могла сдвинуться с места.

А потом кто-то тихо сказал за спиной: «Кто это?»

Я проснулась.

За окном было светло, белые ночи еще не начались, но апрельский Питер темнеет поздно. Часы показывали половину шестого.

Я лежала и слушала, как просыпается коммуналка. Шаги за стеной, звук чайника, чья-то негромкая ругань в ванной.

Кто это?

Может, и правда ни о чем. Просто вопрос. Просто протокол.

Но голос... Я его запомнила. Ровный, тихий, без интона-

ции, такой, которому не нужна интонация. Достаточно слов.

Карина, хватит!

Я встала, умылась холодной водой и пошла ставить чайник. Сегодня шестой день, работы много, думать некогда. Вот именно. Некогда и незачем.

Антон появился у моего стола ровно в два часа дня. Я это запомнила, потому что только что вернулась с обеда и еще не успела снять куртку. Стояла, вешала ее на спинку стула и вдруг почувствовала: кто-то рядом. Обернулась.

Антон стоял в полуметре и смотрел на меня с обычным своим выражением. Спокойно, внимательно, как будто читает документ.

– Светлова.

– Да.

– Вас ждет Громов Виталий Андреевич. Сейчас.

Куртка в руках, сердце где-то в пятках и шарашит кровь так, словно выживаем.

– Хорошо, идемте, – отвечаю ровно, хотя внутри все дрожит, и беру блокнот. Зачем, не знаю, рефлекс.

Антон чуть приподнимает бровь. Кажется, он ожидал другой реакции. Растерянности, или вопроса, или хотя бы паузы.

Не дождется. Я умею держать лицо. Этому меня жизнь научила раньше, чем юридический.

Мы шли к лифту молча. Антон нажал кнопку двадцатого этажа.

Двадцатый. Значит, его личный кабинет. Не переговорная, не общий зал. Личный.

Спокойно, Карина. Это просто работа.

Кабинет на двадцатом этаже был совсем не похож на тот, куда я случайно зашла в первый день.

Тот был рабочим, этот другой. Больше, светлее, с панорамными окнами во всю стену. Питер внизу как на ладони: крыши, вода, мосты, и где-то далеко залив, серый и тихий в этот апрельский день. Я невольно задержала взгляд, буквально на секунду.

Красиво. Несправедливо красиво.

Громов стоял у окна спиной ко мне.

Я остановилась у порога. Антон бесшумно закрыл за мной дверь, а я даже не услышала щелчка. Просто вдруг оказалась одна в этой комнате с этим человеком и тишиной, которая звенела.

Он обернулся не сразу, смотрел в окно. Я не знала, сколько это длилось, пять секунд или тридцать, стояла и ждала, уходить не собиралась. Не потому, что смелая, просто уйти без разрешения было бы глупее, чем стоять.

Наконец, он повернулся.

При дневном свете он выглядел иначе, чем на совещании. Там был полумрак переговорной, там он был голосом и силуэтом. Здесь, у окна, с Питером за спиной – просто мужчина. Очень уверенный в себе, очень непростой, но все-таки человек.

«Сорок пять лет», – вспомнила я то, что успела узнать от Лены. – «Начинал с нуля. Строил сам. Сейчас один из крупнейших застройщиков северо-запада».

Лена говорила это с придыханием. Я пыталась слушать просто как факты. Не очень получалось.

Он подошел к столу, не предложил сесть, взял папку, довольно толстую, и положил передо мной.

– Светлова.

– Да, Виталий Андреевич.

– Объект «Северная гавань». Знаете?

– Слышала название. Подробности не знаю.

Он кивнул. Как будто правильный ответ.

– Стройка заморожена три месяца. Конфликт правоустанавливающих документов на земельный участок. Семенов занимался этим два месяца, – на мгновение замолкает. – Не разобрался.

Семенов – это главный юрист, которого уволили незадолго до моего прихода. Лена что-то говорила. Я не спрашивала подробностей.

– В папке все, что есть: документы, переписка, выписки. Там должна быть логика. Ее нужно найти.

Я посмотрела на папку. Потом на него.

– Какой срок?

– Три дня.

Три дня! На то, с чем главный юрист не справился за два месяца!

Либо он некомпетентный, либо задача действительно сложная.

Либо и то и другое.

Я не сказала ни одного из этих соображений вслух, а просто взяла папку.

– Хорошо.

Он смотрел на меня. Недолго, секунду. Что-то в его взгляде было такое, что хотелось объяснить себе, но я не успела. Это «что-то» пропало, стерлось, но интуиция молчала, а внутри было спокойно.

– Если не найдете, ничего страшного, – он вернулся к столу, сел, открыл ноутбук. – Свободны.

«Если не найдете, ничего страшного».

Вот это задело. Даже сильнее, чем сами три дня.

Потому что в этой фразе было что-то снисходительное, мягкое, почти доброе, но снисходительное. Как взрослый, который дает ребенку сложную головоломку и заранее знает, что не решит.

Посмотрим.

Я вышла, закрыла дверь, в лифте прижала папку к груди и выдохнула.

Три дня. Начинаем.

Глава 5

Лена увидела папку и округлила глаза.

– Это что?

– Работа.

– Это папка «Северной гавани». Карина, это же...

– Я знаю, – я села за стол и открыла папку. – Три дня.

Лена помолчала, потом тихо:

– Семенов с этим два месяца сидел.

– Я слышала.

– И ты взяла.

– Взяла.

Еще пауза. Потом Лена вздохнула и развернулась к своему монитору.

– Кофе принести?

Вот за что я ее уже люблю. Не отговаривает, просто принимает.

– Принеси, пожалуйста. Крепкий.

Первые два часа я просто раскладывала документы.

Их было много. Выписки из ЕГРН, договоры аренды, акты согласований, переписка с городским комитетом по управлению имуществом, копии судебных решений, старых, из двух тысяч пятого года. Кипа бумаг, за которой скрывалась история участка длиной в двадцать с лишним лет.

Я раскладывала по датам. Хронология – первое, что нужно, когда не понимаешь, что происходит. Сначала понять, что было, потом почему.

Это мне папа объяснил, еще когда я была маленькой. Он работал инженером, чертил схемы, говорил: сначала смотри на всю конструкцию целиком, потом на детали, никогда на-

оборот.

Папа ушел, когда мне было четырнадцать, но это он оставил. Это я сохранила.

К четырем часам у меня была хронологическая таблица на трех листах. К шести первое подозрение.

Участок менял собственников четыре раза за двадцать лет. Это само по себе не странно. Станным было другое: в две тысячи пятом году, между вторым и третьим переходом права, в документах появлялась компания с названием ООО «Балтийский горизонт». Она держала участок ровно восемь месяцев, потом продала. Ничего примечательного, если не смотреть внимательно.

Я смотрела внимательно.

«Балтийский горизонт» был зарегистрирован за два месяца до покупки участка и ликвидирован через три месяца после продажи. Фирма-однодневка. Или что-то похожее.

Но зачем? Что через нее провели?

Я потеряла глаза. За окном темнело, офис давно опустел, только уборщица гремела ведром где-то в коридоре. Завтра, продолжу завтра, сегодня уже не соображаю нормально.

Я собрала документы обратно в папку, аккуратно, по порядку, закрыла, положила в ящик стола и заперла.

Три дня. Один прошел. Осталось два.

Справлюсь.

На второй день я поехала в Росреестр.

Это было мое решение, не чье-то указание. В папке была

копия выписки из архива, но копия – это копия. Мне нужен был оригинал записи о регистрации сделки в две тысячи пятом. Там могли быть данные, которые в копию не вошли.

Росреестр встретил меня очередью и запахом старой бумаги. Я взяла талон, села ждать. Достала блокнот, перечитала свои записи.

– Давно сидите?

Я подняла голову. Рядом стоял мужчина лет тридцати пяти в темном пальто. Широкоплечий, короткая стрижка, взгляд оценивающий. Антон.

Вот это неожиданно.

– Минут двадцать, – сказала я. – Вы тоже сюда?

– Да.

Он сел рядом. Не спрашивал разрешения, просто сел, помолчал.

– Громов Виталий Андреевич сказал, что если понадобится помощь, обращайтесь.

– Помощь с чем?

– С чем угодно.

Я смотрела на него, он смотрел на меня. Оба понимали, что он здесь не случайно.

Он следит? Нет, помогает или проверяет, справлюсь ли. Или и то, и другое.

– Я справляюсь сама, – сказала я.

– Я знаю.

– Тогда зачем вы здесь?

Антон помолчал. Потом, совсем неожиданно:

– Архив две тысячи пятого года хранится в отдельном хранилище. Туда просто так не пускают, нужен запрос.

Я смотрела на него.

– У вас есть запрос?

– Есть.

Значит, Громов знал, что я поеду сюда. Знал, что мне понадобится архив. Знал и подготовил.

Это было неожиданно приятно и одновременно немного обидно. Как будто он заранее решил, что без помощи не обойдусь.

– Спасибо, – сказала я, наконец. – Но запрос в архив я могу сделать сама. Займет день. Максимум два.

– У вас три дня всего.

– Я знаю, сколько у меня дней.

Антон посмотрел на меня еще секунду, потом кивнул.

– Как скажете.

Он отсел на два стула. Не ушел, просто отсел. Я уставилась в блокнот и почувствовала, что улыбаюсь. Чуть-чуть. Одними уголками губ.

Упрямый, ладно. Упрямых я понимаю.

Когда подошла моя очередь и сотрудница Росреестра сказала, что архив за две тысячи пятый год доступен только по официальному запросу, я помолчала секунду.

Потом обернулась к Антону.

– Давайте запрос.

Он встал, подошел, протянул бумагу. Ничего не сказал, только я могла поклясться, что уголки его губ тоже чуть дрогнули.

Документ из архива я получила через сорок минут. Регистрационная запись по сделке с «Балтийским горизонтом» в две тысячи пятом году. Я читала ее прямо там, у стойки, под взглядом усталой сотрудницы.

И нашла.

Не сразу. Сначала пробежала глазами, не увидела ничего. Потом начала читать медленно, строчку за строчкой, на третьей странице, в разделе об обременениях, стояла запись: сделка совершена с участием третьего лица, действующего по доверенности, номер доверенности, дата и имя доверителя.

Б. Р. Кравец.

Я прочитала еще раз. И еще. Это имя мне ничего не говорило, но что-то внутри сказало: важно, запомни.

Я сфотографировала страницу на телефон, потом еще раз, четче.

Антон стоял рядом. Я почувствовала, что он тоже увидел, но промолчал.

– Вы знаете это имя? – спросила я тихо.

Он ответил не сразу, но эту короткую задержку я заметила.

– Нет.

Он солгал. Я не знала тогда, что скрывается за этим име-

нем, но то, что Антон солгал, почувствовала сразу. У людей, которые привыкли говорить правду, ложь выглядит иначе, чуть ровнее, чуть аккуратнее.

Я убрала телефон и ничего не сказала. Пока.

На третий день я написала заключение. Двенадцать страниц: хронология перехода прав на участок, схема собственности с указанием всех юридических лиц, анализ сделки две тысячи пятого года с указанием на признаки использования подставного юрлица, три варианта дальнейших действий для разблокировки стройки, с оценкой рисков и сроков по каждому.

Я перечитала три раза, исправила два абзаца и перечитала еще раз.

Хорошо, не идеально, но хорошо. Лучше, чем ничего. Лучше, чем пустые руки через три дня. Распечатала, скрепила, положила в новую папку.

Лена смотрела на меня через стол.

– Готово?

– Готово.

– Как ты себя чувствуешь?

Я подумала секунду.

– Нормально, немного устала, – я встала, взяла папку. –

Пойду сдавать.

– Карина.

– Что?

Лена смотрела на меня серьезно, без обычной своей лег-

кости.

– Ты молодец. Правда.

Я хотела сказать что-нибудь легкое в ответ, отмахнуться, пошутить, но не смогла.

– Спасибо, – сказала я тихо и пошла к лифту.

В кабинете на двадцатом этаже он был не один. Рядом со столом стоял кто-то из замов, я видела его на совещании, не помнила имени. Они разговаривали, когда я вошла, Громов поднял взгляд, а заместитель обернулся.

– Подождите в приемной, – сказал Громов непонятно кому.

Зам вышел, я осталась. Значит, нужно было остаться мне. Ладно. Я подошла к столу и положила папку.

– Заключение по «Северной гавани», три варианта разрешения. Оптимальный, на мой взгляд, второй, через оспаривание сделки в части доверенности. Это даст чистое основание без рисков для последующих переходов права.

Он взял папку, открыл и начал читать.

Я стояла, руки убрала за спину, не потому, что так надо, просто не знала, куда их деть. В кабинете было тихо, слышно было, как за окном где-то далеко идет по Неве буксир, гудок, протяжный, низкий.

Он читал долго, я не торопила.

Читай, я три дня это делала. Можешь читать сколько нужно.

Наконец, он перевернул последнюю страницу, закрыл

папку, посмотрел на меня.

– Откуда документ из архива две тысячи пятого?

– Поехала в Росреестр лично.

– Антон помог с запросом?

– Запрос был его, документ нашла я.

Он смотрел на меня еще секунду, потом:

– Хорошо.

Два слова. Просто два слова. Но от него это звучало иначе, чем от кого-то другого. Весомее, как будто оценку поставили не за работу, а за профессионализм в целом.

Я не дала себе это почувствовать. Почти.

– Имя в доверенности, – сказал он вдруг. – Кравец. Вы его искали?

– Нет. Имя нашла, но не успела изучить, решила сначала сдать заключение.

– Правильно, – он снова открыл папку, что-то отметил. – Не ищите пока.

Это была странная фраза. «Не ищите пока». Не просто «пока не нужно». Именно «пока». Как будто это нужно будет потом, но не сейчас. Как будто за этим именем что-то есть.

Я не спросила, поняла, что не время.

– Все? – сказала я.

Он поднял взгляд, что-то быстро в нем отразилось, но я не успела поймать.

– Все.

Я кивнула и пошла к двери.

– Светлова.

Я остановилась и обернулась. Он смотрел не на папку и не в окно. На меня. Просто на меня, без бумаг и предлогов.

– Вы хорошо работаете.

Я не знала, что с этим делать, с такими словами от такого человека, поэтому просто кивнула.

– Спасибо, Виталий Андреевич, – и вышла.

В лифте я прижалась спиной к стене и закрыла глаза на несколько секунд.

«Вы хорошо работаете».

«Не ищите пока».

Два момента, но таких разных. Один грел, другой беспокоил. Я уже тогда чувствовала, что второй важнее, что за именем Кравец что-то есть, и что оно уже каким-то образом вошло в мою жизнь, тихо, незаметно, через старый архивный документ.

Но я не знала еще, как сильно все изменится.

Я просто стояла в лифте, улыбалась и старалась не думать о том, как он на меня смотрел.

Не очень получалось.

Глава 6

Антон пришел на следующий день в половину одиннадцатого, я как раз разбирала новую порцию договоров, обычная работа, никакого Росреестра, никаких архивов, просто бумаги. Я почти успела убедить себя, что вчерашний день был просто рабочим эпизодом. Справилась с заданием, сда-

ла, получила оценку. Все.

– Светлова, – Антон остановился у стола. – Сегодня в восемь вечера. Ресторан «Созерцание», набережная Мойки, двенадцать. Громов Виталий Андреевич приглашает на ужин.

Я подняла голову от бумаг.

– Рабочий ужин?

– Ужин, – сказал Антон без уточнений.

Я смотрела на него секунду, он смотрел на меня. Лицо совершенно непроницаемое.

– Хорошо, буду.

Антон кивнул и ушел, я проводила его взглядом, потом медленно повернулась к Лене. Та уже смотрела на меня широко открытыми глазами.

– «Созерцание», – сказала она шепотом. – Карина. Это «Созерцание».

– Я слышала название.

– Ты не понимаешь. Там столик нужно бронировать за месяц. Там средний чек такой, что я на него месяц живу. Туда ходят... – она сделала неопределенный жест рукой. – Не такие, как мы.

Не такие, как мы. Приятная мысль.

– Это рабочий ужин, – сказала я. – По итогам задания. Обычная практика.

– Карина.

– Что.

– Громов никогда не возит помощников юриста в «Созерцание» по итогам задания.

Я открыла рот, закрыла, снова уставилась в договор.

Это рабочий ужин. Точка.

В половину восьмого я стояла перед зеркалом в своей комнате и понимала, что мне нечего надеть. Это было не совсем правдой, у меня было три платья. Одно летнее, цветочное, совершенно не подходящее. Второе черное, простое, которое я брала на выпускной в университете три года назад. Третье темно-синее, с длинными рукавами, купленное на распродаже прошлой осенью за две тысячи рублей.

Я примерила черное и посмотрела в зеркало.

Ну, бывало хуже.

Бывало лучше тоже, но сейчас не об этом.

Волосы распустила, я обычно хожу с хвостом, но сейчас почему-то не хотелось. Немного туши, чуть-чуть светлой помады, почти нейтральной, потому что яркую я не умею носить. Серезки маленькие, серебряные, мамин подарок на восемнадцатилетие.

Я посмотрела на себя еще раз.

Ты идешь на рабочий ужин, не на свидание. Не нужно быть красивой, нужно быть уместной.

Хотя... черное платье и распущенные волосы – это уместно для ресторана. Это нормально.

Это точно нормально.

Я накинула пальто и вышла.

Ресторан «Созерцание» оказался именно таким, каким я его себе представляла: тихим, темным и дорогим.

Не кричащим, нет. Дорогим по-другому, по-настоящему. Там, где не нужно ничего демонстрировать, потому что все и так понятно. Живые свечи на столах, мягкий свет, ткань на стенах, которую хочется потрогать, негромкая музыка, которую слышишь только, когда замолкаешь.

Я назвала имя на входе, метрдотель провел меня к столику у окна, выходящего на канал.

Громов был уже там. Он встал, когда я подошла.

Я не ожидала этого, совсем не ожидала. Он всегда такой неподвижный, такой экономный в движениях, а тут встал. Просто встал, как встают, когда приходит женщина.

Я почувствовала, как щеки заливает румянцем. Надеюсь, в полутьме это незаметно.

– Добрый вечер.

– Добрый вечер, Виталий Андреевич.

Мы сели, официант возник бесшумно и положил меню. Я открыла его и почувствовала легкое головокружение от цен. Не сильное, просто напоминание, что я не в своем мире. Ничего, ты здесь по делу.

– Вы пьете вино? – спросил Громов.

– Иногда.

– Белое или красное?

– Белое.

Он сделал знак официанту, что-то сказал негромко, но я

не расслышала что, официант кивнул и исчез.

Громов сделал заказ, не спросив у меня, чего бы я хотела. Это должно было раздражать, но почему-то не раздражало. Видимо из-за цен.

Первые несколько минут мы молчали. Не неловко, но я ощущала себя странно. Я смотрела на канал за окном, он смотрел на меня, и я это чувствовала, хотя голову не поворачивала.

Потом принесли вино, официант налил сначала ему, потом мне. Я взяла бокал.

– За хорошую работу, – сказал Громов.

– Спасибо.

Я пригубила, вино было действительно хорошим. Я не очень разбираюсь в винах, но это почувствовала даже я: легкое, почти невесомое, с каким-то далеким цветочным послевкусием. Наверно, дорогое.

Все в этом месте было хорошим и все было не моим. Пока не моим, но я к этому приду. За этим же я в Питере?

– Расскажите, как вы нашли документ, – спросил вдруг Громов.

Он смотрел серьезно, внимательно, спросил не из вежливости, а по-настоящему, с интересом.

– Я начала с хронологии, разложила все по датам и увидела промежуток в две тысячи пятом. Фирма появилась незадолго до сделки и исчезла сразу после. Это показалось странным.

– Большинство юристов не обращают внимания на такие вещи в первую очередь.

– Я знаю, но мой отец был инженером. Он учил смотреть на конструкцию целиком, прежде чем разбирать детали. Я привыкла начинать с общей картины.

Что-то в его лице изменилось. Совсем чуть-чуть.

– Ваш отец жив?

– Нет, – я ответила ровно, давно научилась. – Он умер, когда мне было восемнадцать.

– Извините.

– Не нужно.

– Откуда вы? – спросил он в первый раз за наше знакомство не про работу.

– Из Перми.

– Зачем в Питер?

Я подержала бокал в руках, обдумывая, сколько говорить.

– За другой жизнью. Звучит банально, я знаю.

– Нет, – качает головой Громов и чуть вскидывает брови.

– Не банально.

И говорит он это так, словно понимает меня. Интересно, а откуда он сам? Что было до всего этого? До башни на Петроградской и ресторана с видом на канал?

Не спросила, потому что не время.

Мы ели, я не запомнила, что именно, что-то с рыбой, потом что-то с ягодами. Все было вкусно и тихо, и я понемногу переставала чувствовать себя воробьем в оперном театре. Не

потому что стала своей, просто потому, что он разговаривал со мной как с человеком, а не как с подчиненной на ужине из вежливости.

Он спрашивал про учебу, про то, почему юридический. Я отвечала. Один раз спросила сама: про объект, про то, как давно заморожена стройка. Он ответил коротко, но ответил.

Когда официант убрал тарелки, Громов чуть подался вперед, совсем немного, но расстояние между нами сократилось. Я это заметила.

– Есть разговор, – он смотрел мне в глаза. – Должность главного юриста сейчас вакантна. Вы это знаете.

– Знаю.

– Я хочу предложить ее вам.

Тишина. Мойка за окном. Свеча между нами. Его спокойный взгляд.

Я думала, что скажу что-нибудь умное или хотя бы связанное. Не получилось.

– Я... – я остановилась и начала снова. – Я помощник юриста, у меня меньше года практики.

– Я знаю ваше резюме.

– Тогда вы понимаете, что это нестандартное решение.

– Все мои решения нестандартные, – в его голосе не было самодовольства, просто факт. – Семенов проработал у меня четыре года и не нашел того, что вы нашли за три дня. Дело не в опыте, дело в том, как человек думает.

Я смотрела на него, он смотрел на меня. Ровно, спокойно,

как смотрит человек, который уже принял решение и просто сообщает о нем.

Предложение, от которого не отказываются, зарплата главного юриста в такой компании – это другая жизнь. Буквально. Это снять нормальную квартиру, это помочь маме, это доказать себе, что не зря приехала.

И все равно что-то во мне осторожничало.

– Почему я? – спросила я. – Честно.

Он помолчал, а потом все же ответил:

– Потому что вы поехали в архив сами.

Вот и все. Так просто.

Я почувствовала, как внутри разливается тепло, но не от предложения, а от смысла фразы. Он заметил не результат. Он заметил, как я работаю.

– Мне нужно подумать, – сказала я.

Он кивнул.

– Сколько?

– До утра.

– Хорошо.

Я знаю ответ, конечно, знаю, но я все равно скажу утром, потому что решения, которые меняют жизнь, не принимают в ресторане с видом на канал, с бокалом хорошего белого вина и этим человеком напротив.

В таких условиях слишком легко сказать да по неправильным причинам.

Глава 7

Официант принес десерт, я не заказывала, но он появился. Что-то шоколадное, темное, с малиной. Мы ели молча.

Потом официант налил еще вина, мне совсем чуть-чуть, я не просила, он просто налил. Громов что-то сказал ему коротко, и тот отошел.

– Вы любите Питер? – спросил Громов вдруг.

Я посмотрела в окно. Мойка блестела под фонарями, мост вдали, старый, каменный.

– Еще не решила, – я говорила честно. – Он большой, я пока не понимаю его.

– Он не дается сразу, – кивает Громов. – Ему нужно время.

– Вы давно здесь?

– Всю жизнь.

Всю жизнь. Значит, он отсюда, значит, эти крыши, эта вода, этот серый апрель, все это его с детства. Интересно, каким он был ребенком? Таким же немногословным? Таким же, от которого меняется давление в комнате?

Скорее всего, нет. Никто не рождается таким, это делает жизнь.

Интересно, какая у него была жизнь? Я не спросила, снова, но он, кажется, что-то почувствовал в моем молчании, посмотрел на меня чуть дольше обычного.

– Вы хотите о чем-то спросить?

– Нет, – тут же говорю я.

– Лжете.

Это было так неожиданно прямо, что я засмеялась. Тихо, почти беззвучно. Сама не ожидала.

– Да, – призналась я. – Но не спрошу.

– Почему?

– Потому что не время.

Он смотрел на меня несколько секунд и что-то для себя решал.

– Хорошо.

И снова это слово «хорошо». У него оно звучит как-то по-особому, как финальная точка, которая при этом оставляет место для продолжения.

Когда мы выходили, официант подал мне пальто. Я потянулась к нему, но Громов оказался ближе. Взял пальто из рук официанта и подержал, молча, просто подержал, пока я надевала.

Я не знала, куда смотреть, смотрела прямо перед собой. Никто никогда не помогал мне надеть пальто. Не Артем, не кто-то еще. Это такая маленькая, старомодная вещь, глупо, что она меня задела. Но задела.

На улице было холодно, мойка дышала сыростью, фонари отражались в воде длинными оранжевыми полосами.

– Машина вас отвезет, – говорит Громов.

– Я доеду сама.

– Уже поздно.

– Виталий Андреевич, – я посмотрела на него прямо. – Я

два года добиралась домой ночью из Перми. Я справлюсь.

– Хорошо, – кивает мужчина и больше не настаивает.

Я уважаю людей, которые умеют остановиться, которые дают ровно до той черты, где начинается чужое решение, и не переходят ее.

Он умел. Я пошла к метро, на углу оглянулась, не знаю зачем. Он все еще стоял у входа в ресторан и смотрел мне вслед.

Я отвернулась и пошла быстрее. Сердце стучало не в ритм. Снова. Я уже почти перестала удивляться этому.

Дома я позвонила маме. Поздно, почти в одиннадцать, она не спала, никогда не спит, пока я не позвоню.

– Карина! Ты где была?

– На ужине. По работе.

– В такое время?

– Мам, это нормально. Меня предложили повышение.

– Как повышение?

– Главный юрист компании, – я легла на кровать, уставилась в потолок. – Это большая должность и большая зарплата.

– Господи, – она помолчала. – И что ты?

– Думаю до утра.

– А что тут думать?

Я улыбнулась.

– Мам. Много чего.

– Ты справишься. Я же знаю тебя.

– Спасибо, мам.

– Ешь нормально там. И спи.

– Да. Спокойной ночи.

Я положила трубку, лежала и смотрела в потолок.

За окном Питер шумел тихо и привычно, а двор-колодец собирал звуки и держал при себе.

Главный юрист. Это страшно, это очень ответственно. Я молодая, у меня мало опыта, я недавно в городе, я не знаю еще половины того, что нужно знать.

И все равно. Все равно что-то во мне уже знало ответ. С того момента, как он сказал: потому что вы поехали в архив сами.

Я закрыла глаза. Утром скажу «да», а сейчас просто полежу и подумаю о том, как он стоял у ресторана и смотрел мне вслед. Просто полежу. Это же можно?

Утром я сказала «да».

Не Громову лично, он был на совещании, Антону, который снова возник у моего стола ровно в девять.

– Ваш ответ?

– Да.

Антон кивнул, развернулся и ушел. Никакого поздравления, никаких эмоций, просто принял информацию и унес.

Лена, которая все слышала, схватила меня за руку.

– Ты согласилась!

– Согласилась.

– Карина!

– Тихо, – сказала я, хотя сама улыбалась. – Это просто работа.

– Это не просто работа! – она все-таки понизила голос, но в нем было столько восторга, что стало немного теплее. – Ты понимаешь, что теперь будешь на совещаниях с ним? Постоянно?

Я это понимала. Именно поэтому улыбалась и одновременно немного боялась.

Кабинет мне дали через два дня. Маленький, в торце коридора, с одним окном и видом на внутренний двор. Не панорама двадцатого этажа, конечно, но мой, первый в жизни.

Я положила на стол блокнот, ручку и фотографию: я и мама на даче, мы смеемся, шуримся от солнца. Больше ничего личного не было, но этого хватало.

Я главный юрист. Просто обалдеть можно.

Первую неделю я почти не видела Громова. Он был, это чувствовалось по тому, как менялась атмосфера в офисе в зависимости от того, на каком этаже он находился, но лично не пересекались. Я разбиралась с делами, изучала портфель, встречалась с командой.

Вторая неделя началась с совещания. На этот раз я сидела за столом, а не у стены.

Это было другое ощущение. Совсем другое. Я раскрыла папку, приготовила блокнот, старая привычка, даже когда есть ноутбук, и почувствовала взгляды. Несколько человек смотрели на меня с любопытством, кто-то с легким недоуме-

рием. Я самая молодая за этим столом. Самая новая. И теперь главный юрист.

Ничего. Не первый раз доказывать.

Громов вошел последним, сел во главе стола, обвел взглядом комнату, и на секунду этот взгляд задержался на мне. Не долго, меньше секунды, но я почувствовала это всеми своими внутренними индикаторами.

Совещание началось, я работала, слушала, делала пометки, один раз выступила с коротким комментарием по юридической стороне одного из договоров. Меня выслушали. Громов кивнул. Продолжили.

Маленькая победа, но моя.

После совещания он попросил меня остаться. Все вышли, осталась я, он и тишина переговорной, которая вдруг стала очень заметной.

Он не сел, стоял у окна в той же позе, что в кабинете в первый раз. Смотрел на улицу, а я ждала.

– По договору с Невским подрядчиком, – сказал он, наконец. – Ваш комментарий про форс-мажорную оговорку. Разверните.

Я открыла папку и нашла нужный лист.

– В текущей редакции форс-мажорная оговорка сформулирована слишком широко. При желании подрядчик может признать форс-мажором почти любую задержку поставок. Если хотите защиту, нужно сузить до конкретного перечня обстоятельств и добавить уведомительный срок.

– Сколько времени займет переработка?

– Один день. Может, два, если подрядчик будет возражать.

– Сделайте сегодня.

– Хорошо.

Я начала закрывать папку, он все еще стоял у окна, но теперь обернулся. Смотрел на меня.

– Как вам новый кабинет?

Неожиданный вопрос. От него.

– Хороший, – сказала я. – Маленький, но мой.

Что-то в его лице, совсем чуть-чуть, стало мягче.

– Хорошо, – сказал он и снова отвернулся к окну.

Разговор окончен. Я вышла, но в коридоре почему-то думала не о договоре с подрядчиком, а о том, как он спросил про кабинет. Наверно, просто из вежливости. Или не просто так?

Я запрещала себе думать об этом дальше, но получалось не очень. Главное, не придумать себе того, чего нет. Еще хуже в это поверить.

Глава 8

Поздно в пятницу я задержалась в офисе.

Договор с подрядчиком я сделала еще в среду, но появилось новое: претензия от субарендатора по одному из коммерческих объектов, срок ответа через три дня, материалов на полтора часа работы. Я решила закрыть сегодня, чтобы не

тащить на следующую неделю.

Офис опустел к семи, потом к восьми исчезли последние трудовоголики. Уборщица прошла по коридору, заглянула ко мне, я кивнула, что все нормально, и она ушла. Стало очень тихо, только гул компьютера и далекий город за окном.

Я люблю такие вечера, когда никого нет и можно думать только работой, без фонового шума чужих разговоров. В Перми я так сидела в библиотеке на последнем курсе. Казалось, именно тогда думалось лучше всего.

Около девяти я откинулась на спинку кресла и потеряла глаза. Претензия была почти готова, осталось сформулировать финальный абзац.

Я встала, чтобы размяться, прошла по кабинету, потянулась, подошла к окну. Двор внизу был пустым и темным, только один фонарь горел, и в его свете кружились редкие снежинки, последние, апрельские, которые тают раньше, чем долетают до земли.

Я не услышала, как открылась дверь.

– Вы еще здесь?

Я обернулась резко. Он стоял в дверях моего кабинета, пиджак снят, а рукава рубашки закатаны до локтей. Я никогда не видела его таким, без пиджака он выглядел иначе, не менее собранно, но как-то мягче, что ли. Человечнее.

Я сглотнула.

– Задержалась, – наконец, выдавливаю из себя. – Претензия по Лесному проспекту.

– Срок послезавтра.

– Я знаю. Хотела закрыть сегодня.

Он смотрел на меня секунду, потом вошел. Не спрашивал разрешения, просто вошел и подошел к столу. Я стояла у окна и следила за ним взглядом.

– Можно? – он кивнул на экран.

– Да.

Громов наклонился над столом и читал. Я смотрела на его профиль: резкий, четкий, с той самой сединой на висках, которую я заметила еще в первый день. Вблизи она была другой, не старящей, просто факт. У молодых же тоже может быть седина, как факт?

Не смотри так, это неприлично. Я отвела взгляд, посмотрела в окно.

– Хорошо, – сказал он. – Последний абзац можно короче. Уберите правовое обоснование в приложение, оставьте только вывод.

– Поняла.

Он выпрямился, и вот тут, я не знаю, как это получилось, мы оказались очень близко. Я делала шаг от окна в тот момент, когда он выпрямлялся. Просто неловко. Просто не рассчитала.

Между нами было, наверное, двадцать сантиметров. Может, меньше.

Я не дышала. Просто не дышала, и все. Это было физически невозможно, дышать, когда он так близко, когда я чув-

ствовала тепло от него и видела вблизи эти темные глаза, которые смотрели прямо на меня. Без холода, который обычно в них был. Без дистанции. Просто смотрели.

Я не знаю, сколько это длилось. Может, секунду. Может, три. Время вело себя странно.

Он первым опустил взгляд на мою руку, которая лежала на краю стола. Совсем рядом с его рукой. Он не убрал свою руку. Я не убрала свою.

Это было так мало, просто две руки рядом на столе. Никакого прикосновения, никаких слов, но что-то в воздухе между нами сжалось и стало другим. Да, поменялось давление.

– Карина, – сказал он тихо.

Мое имя, просто мое имя, больше ничего, но так, как он это произнес: негромко, почти осторожно, как будто пробовал на вкус, у меня что-то оборвалось в груди. Хорошо оборвалось. Как натянутая струна, которую, наконец, отпустили.

– Да, – сказала я тихо.

Он поднял взгляд, смотрел на меня, на мое лицо, на мои глаза, потом на долю секунды ниже. На губы. И сразу обратно.

Я чувствовала каждый миллиметр этого взгляда. Кожей. Как будто он касался, не касаясь.

Я не отступила. Я должна была отступить, это было бы разумно, правильно, безопасно, но я стояла и смотрела на него, и думала только одно: не уходи, еще немного, еще одну

секунду.

Его рука сдвинулась. Самую малость, сантиметр, может меньше. Пальцы легли на мои. Не накрыли, не сжали, просто коснулись. Едва-едва.

Я не отдернула руку. Это был мой ответ.

Мы стояли вот так рука к руке, двадцать сантиметров между нами, снежинки за окном, и я не думала ни о чем. Ни о том, что он мой начальник, ни о том, что ему сорок пять, ни о том, что это неразумно, неуместно и, вообще, может плохо кончиться.

Я думала только: вот он, вот этот мужчина, и он касается моей руки.

И мне от этого не страшно. Мне от этого хорошо.

Он убрал руку первым. Чуть отступил, взял пиджак, который, оказывается, перекинул через соседний стул, когда вошел. Я только сейчас это заметила.

– Заканчивайте и идите домой, – сказал он.

Голос ровный, как всегда, как будто ничего не было. Но ведь было. Мы оба знали, что было.

– Хорошо, – тихо ответила я, и мой голос на удивление не задрожал.

Он пошел к двери, остановился на пороге и обернулся.

– Хорошая работа по договору с подрядчиком. Антон говорил, они пытались возражать.

– Пытались.

– И?

– Я объяснила, почему не получится.

Секундная задержка, потом тихо, почти неслышно он усмехнулся.

– Спокойной ночи, Карина.

– Спокойной ночи, Виталий Андреевич.

Дверь закрылась, я простояла у стола, наверное, минуту. Просто стояла и смотрела на свою руку, на то место, где были его пальцы. Затем села за стол, открыла документ, написала финальный абзац, короткий, как он и сказал, только вывод. Получилось лучше, чем было.

Я сохранила файл и долго смотрела в экран, думая о его руке, о том, как он произнес мое имя, о том, что между нами было двадцать сантиметров и это было неприлично близко.

Только это неправильно. Он мой работодатель, старше меня на двадцать пять лет. Я здесь без году неделя. Это все усложнит, это все запутает, это может стоить мне работы, которую я только получила.

Я думала обо всем этом и все равно улыбалась. В метро, в вагоне, я стояла, держась за поручень, и улыбалась в пол. Рядом стоял мужчина с пакетами, женщина с ребенком. Никому до меня не было дела.

Хорошо. Пусть так. Это только моя тихая радость, которая может выйти мне боком. Очень горьким боком.

Глава 9

В понедельник он вел себя как обычно. Ровный, холод-

ный, немногословный. Сопровождение в десять, он сидел во главе стола, говорил четко и по делу, ни разу не посмотрел на меня дольше, чем на любого другого. Я отвечала на его вопросы по юридической части, он кивал, шел дальше.

Все как всегда.

Как будто пятницы не было. Как будто не было пустого офиса и снежинок за окном, и его пальцев на моих.

Я убеждала себя, что так лучше, что это правильно, что рабочая дистанция – это именно то, что должно быть между нами.

Убеждала и не верила себе ни секунды.

Лена заметила на третий день. Мы обедали вместе в маленьком кафе через дорогу, это стало привычкой за последние недели. Она болтала про какого-то из менеджеров, который снова напортил с отчетом. Я слушала и думала о другом.

– Карина.

– Что?

– Ты меня не слушаешь.

– Слушаю. Менеджер, отчет, напортил.

– Это было пять минут назад, – Лена отложила вилку. –

Что случилось?

– Ничего.

– Карина.

Она смотрела на меня с тем выражением, которое я уже успела изучить: серьезно, без болтовни, очень пронизатель-

но.

– Ничего не случилось, – сказала я медленно. – Просто... думаю.

– О нем.

Это был не вопрос.

Я не ответила. Это тоже был ответ.

Лена вздохнула, взяла кофе и сделала глоток.

– Карина, я скажу тебе кое-что, только прошу, не обижайся.

– Говори уже.

– Он не такой человек, с которым бывает просто. Вообще, никогда не просто. Это все знают. Те, кто пробовал, – она покачала головой. – Это всегда заканчивалось не очень хорошо. Для них, не для него.

Я держала в руках стакан с водой и смотрела в стол.

Я знала, что она права. Умом знала. Он сложный, закрытый, с темным прошлым, которое я даже не начала понимать. Он мой начальник. Он старше меня на двадцать пять лет.

Все это правда.

– Я знаю, – тихо сказала я, и сердце болезненно сжалось.

– Тогда будь осторожна.

– Я очень постараюсь.

Лена кивнула и больше не говорила об этом, а вернулась к менеджеру и отчету.

Я была ей благодарна. И за предупреждение, и за то, что не давила.

Осторожность – это хорошо. Я умею быть осторожной. Просто с ним почему-то не очень получается.

В четверг вечером он снова задержался в офисе. Я узнала об этом случайно, охранник сказал, уходя с моего этажа, что Громов еще наверху. Я к тому моменту уже надела пальто и подошла к лифту.

Уходи, Карина. Просто уходи домой.

Я нажала кнопку двадцатого этажа.

Ну вот. Умница.

Дверь его кабинета была приоткрыта, и я постучала.

– Войдите.

Он сидел за столом, в окружении распечатанных схем: большие листы, чертежи, что-то архитектурное. Пиджак снят, галстука не было. При моем появлении он поднял взгляд.

– Светлова?

– Виталий Андреевич, – я остановилась у порога. – Я хотела спросить по претензии Лесного проспекта. Они прислали ответ, там есть один момент, который...

– Закройте дверь.

Я закрыла, подошла к столу, раскрыла папку, показала нужный абзац в их ответе.

Он читал, а я стояла рядом и чувствовала его близость так же остро, как в пятницу. Почти физически.

Двадцать пять лет разницы. Он мой работодатель. Это плохая идея.

Я все это помню. Честно.

– Они пытаются переложить ответственность на третью сторону, – сказал он. – Это не работает.

– Я так и думала. Просто хотела подтвердить позицию.

– Подтверждаю, – он отодвинул папку и посмотрел на меня. – Это все?

Это было все, я должна была сказать «да» и уйти.

– Нет, – сказала я.

Он чуть приподнял бровь.

– Я хотела спросить про пятницу.

Тишина. Он смотрел на меня ровно, без выражения, но я не давала себе отступить.

– Что было в пятницу? – я собрала всю свою смелость и все же спросила. – Это было что-то или мне показалось?

Самый страшный вопрос, который я когда-либо задавала. Страшнее, чем любой экзамен, любое собеседование. Потому что здесь нельзя подготовиться. Здесь только ответ и все.

Он молчал долго. Я считала секунды.

Потом встал.

Он встал из-за стола и подошел ко мне. Медленно, не торопясь и остановился: близко, ближе, чем в пятницу.

– Это было что-то, – сказал он тихо.

Я выдохнула. Не знала, что задерживала дыхание, пока не опустошила легкие. Воздух, напряжение, страх, все смешалось в одну стихию и бушует внутри меня.

– И что теперь? – спросила я, но голос прозвучал тише,

чем я хотела.

– Не знаю.

– Это честно.

– Я всегда честен.

Он стоял так близко, что я видела каждую деталь его лица, линию скулы, темные ресницы, которые как-то неуместно длинные для такого жесткого человека, морщину между бровями, которая не расправляется даже сейчас.

Я хотела ее потрогать, вот эту морщину, провести пальцем, но, конечно, не тронула.

– Это сложно, – сказал он, не объясняя, что именно.

– Я понимаю, – а что я еще скажу?

– У меня нет простых историй.

– Я не просила простую.

Что-то в его взгляде изменилось, совсем чуть-чуть, как будто что-то внутри, очень далеко внутри, сдвинулось с места, растопилось, стало мягче.

Его рука поднялась, медленно, очень медленно и коснулась моего лица. Тыльной стороной ладони он прикоснулся к щеке, к самому краю, там, где скула. Едва-едва. Теплее, чем я ожидала.

Я не двигалась, не дышала, стояла, чувствовала его руку на своем лице и думала, что если сейчас что-то скажу, все разрушу. Этот момент, этот воздух между нами, это все.

Поэтому молчала.

Он наклонился.

Чуть-чуть. На сантиметр. На два.

Его глаза были совсем близко, и в них не было холода, не было дистанции, в них было желание, совсем быстрое, еле уловимое, но я это заметила.

Чего он желает? Меня? Разрешить себе отношения, быть человеком, перестать быть одним? Или он не один? Я ничего о нем не знаю.

Но желание в глазах было и это делает его настоящим. Моим.

Его губы в сантиметре от моих. Глаза в глаза, затем на губы.

Всего один сантиметр.

Зазвонил телефон. Не мой, его, тот, что лежал на столе, рабочий, с коротким, резким сигналом, который он никогда не отключал.

Он не отстранился сразу. Секунду, еще одну стоял так же, потом закрыл глаза. Открыл. И отступил.

Взял телефон, посмотрел на экран, что-то в его лице стало другим, не жестким, но закрытым. Как дверь, которую закрыли тихо, но плотно.

– Мне нужно ответить.

– Да, – только и выдавила я из себя.

Мой голос звучал нормально, и это было маленьким чудом, но внутри бушевал пожар. Я взяла папку со стола и пошла к двери.

– Карина.

Я остановилась, но не обернулась. Сил смотреть в его глаза больше нет. Выть хочется.

– Это не конец разговора.

Я кивнула, не знаю, видел ли он, и вышла.

Глава 10

В лифте я смотрела на свое отражение. Щеки красные, глаза живые, слишком живые, волосы выбились из хвоста, я и не заметила когда.

Один сантиметр. Нас разделял один сантиметр.

И телефон.

Я не знала, смеяться или злиться. Остановилась на чем-то среднем: тихая внутренняя смесь острого разочарования и странного, почти болезненного нетерпения.

«Это не конец разговора».

Его слова я судорожно удерживала в голове, потому что грели. Грели и обнадеживали. На улице было темно и холодно, я шла к метро и не чувствовала холода.

Его рука на моей щеке, тыльной стороной ладони, осторожно, как будто я могу сломаться. Я не сломаюсь, он, кажется, это тоже знает, и все равно осторожно.

Вот это меня и убивает. Не сила, не уверенность, не то, как он входит в комнату и меняет в ней воздух. А это. Осторожность. Как будто я ему важна настолько, что он боится сделать неправильно.

Я спустилась в метро, встала у края платформы и смотре-

ла на рельсы. Поезд пришел, двери открылись, и я вошла.

Один сантиметр. Я буду думать об этом сантиметре еще очень долго.

И о его голосе: это не конец разговора.

Нет. Это только начало.

И я не знаю, что меня пугает больше, что это началось или что я совсем не хочу, чтобы это останавливалось.

Той ночью я не звонила маме. Лежала на кровати и смотрела в потолок. За окном шумел редкий дождь. Коммуналка жила своей ночной жизнью: шаги, голоса, чья-то музыка в наушниках, просочившаяся сквозь стену.

Я думала о нем.

Не запрещала себе. Первый раз за все это время просто позволила думать.

Я думала о том, каким он бывает, когда никто не смотрит, когда стоит у окна и смотрит на Неву, когда читает чертежи, разложенные по всему столу. Когда произносит мое имя тихо, почти осторожно.

За этой холодностью и дистанцией, что там? Что случилось с человеком, что он выстроил вокруг себя такие стены? Что за тайна в его прошлом, которую я чувствую, но не понимаю?

Я хотела знать. Не из любопытства, а потому что жажду знать об этом мужчине больше, чем другие. Глубже, сокровеннее, то, что рассказывают не каждому.

Это и было страшно. Да, это тоже пугало. Он старше на

двадцать пять лет, он серьезный, с другими ценностями, он не подходит мне, но я очень хочу подходить.

Под утро я все-таки уснула, и снилась мне не Пермь и не мамина кухня, а сантиметр расстояния и тепло чужой ладони на щеке. И я во сне не отступала.

Суббота прошла нормально. Воскресенье я провела в кафе с ноутбуком, разбирала материалы по новому объекту, пила кофе и старалась не думать о сантиметре расстояния и тыльной стороне его ладони.

Получалось примерно на тройку.

«Это не конец разговора».

В понедельник я пришла в офис в восемь утра и погрузилась в документы.

Три дня. Три дня я держала эту фразу где-то на краю сознания и не знала, что с ней делать. Ждать продолжения? Делать вид, что ничего не было? Самой сделать шаг?

Я выбрала работу. Работа – это то, что я умею. Работа не молчит три дня и не смотрит так, что хочется забыть про все.

Ошибка случилась в среду.

Не по невнимательности, не от усталости, а по неопытности. Именно это было обиднее всего.

Субподрядчик по объекту на Васильевском прислал договор на согласование. Я читала внимательно, правда читала. Нашла две точки, которые поправила. Отдала на подпись операционному директору Мерзликину, грузный мужчина пятидесяти лет, который смотрел на меня с плохо скрытым

скептицизмом с первого дня. Мерзликин подписал. Договор ушел.

Через три часа Антон появился у моего кабинета.

– Вас ждут на двадцатом.

Тон был нейтральным. Антон всегда нейтральный, но что-то в том, как он стоял в дверях, сказало мне: это нехорошие новости.

Я поднялась, взяла блокнот, снова рефлекс, снова за чем-то, и пошла.

В кабинете был не только Громов. Мерзликин стоял у стены с видом человека, которому неловко, но он очень старается этого не показывать. Еще двое из руководства, я знала их в лицо, но не всех по именам. И Громов за столом, с распечатанным договором перед собой.

Он не смотрел на меня, когда я вошла. Смотрел в договор.

– Светлова, – голос ровный. – Пункт семь-три. Читали?

– Да.

– Вслух.

Я остановилась. Это была проверка. Он знал, что я читала. Он хотел, чтобы я сама услышала.

Я взяла договор, который он пододвинул, нашла нужный пункт.

– В случае одностороннего расторжения договора заказчиком, подрядчик вправе требовать возмещения фактически понесенных затрат, включая упущенную выгоду в размере до пятнадцати процентов от общей стоимости работ.

Я дочитала и услышала то, что должна была услышать три часа назад.

Упущенная выгода. До пятнадцати процентов. При стоимости объекта в шестьсот миллионов это девяносто миллионов рублей, которые компания заплатит, если расторгнет договор по любой причине. Любой, в том числе, если подрядчик сам не выполнит условия.

Я пропустила это. Читала, видела слова, не увидела смысл. Не соединила цифры.

Вот что значит неопытность. Не незнание закона. Незнание практики. Незнание того, как выглядит ловушка, которую умеют прятать в скучных средних пунктах.

В комнате было тихо.

– Этот пункт нужно было снять на этапе согласования, – сказал Громов тихо, без крика, именно поэтому было так неприятно слушать. – Теперь договор подписан. Мерзликин, как это вышло?

– Юрист согласовала, – сказал Мерзликин коротко.

– Светлова.

– Да, – я не опустила голову. – Это моя ошибка. Я пропустила пункт.

– Понимаете, что это значит?

– Понимаю. При расторжении – потенциально девяносто миллионов.

– При любом расторжении. Даже если они не выполняют работу.

– Да.

Тишина. Я стояла и смотрела ему в глаза. Внутри было что-то острое и горячее: стыд, злость на себя, желание провалиться. Но я не опускала взгляд. Не потому, что мне было не стыдно, потому что опустить взгляд сейчас было бы хуже ошибки.

Я сделала ошибку. Я ее признала. Это все, что я могу сделать прямо сейчас.

Громов смотрел на меня. Долго.

– Что будете делать?

Не, что я сделала. Что буду делать. Это был правильный вопрос.

– Есть два варианта, – сказала я. – Первый: выйти на переговоры с подрядчиком, объяснить, что пункт является нестандартным и предложить протокол разногласий. Если они заинтересованы в работе, есть шанс, что согласятся на изменение. Второй: оставить как есть, но прописать в дополнительном соглашении четкий перечень оснований для расторжения с нашей стороны без выплаты упущенной выгоды.

– Риски по каждому?

– По первому они могут отказаться и потребовать компенсацию за уже понесенные расходы по подготовке к работе. Небольшую, но неприятную. По второму остается серая зона, которую при желании можно оспорить в суде.

– Предпочтительный?

– Первый. Переговоры быстрее и дешевле суда.

Он помолчал. Потом кивнул.

– Займитесь. Срок до конца недели.

– Хорошо.

– Все свободны.

Я первой вышла из кабинета. Не потому, что торопилась, потому что, если бы осталась еще секунду, не знаю, что было бы с лицом.

В туалете я простояла минуты три.

Смотрела на себя в зеркало. Щеки бледные, не красные, значит, держалась лучше, чем казалось изнутри. Руки чуть дрожали. Я сжала их в кулаки и разжала.

Ты сделала ошибку. Серьезную. Это стоило компании нервов и времени, а могло стоить денег.

Ты признала. Ты предложила решение. Ты не плакала и не оправдывалась.

Это не делает ошибку меньше, но это делает тебя человеком, который умеет с ней работать. Теперь иди и исправляй.

Я умылась холодной водой и вышла.

Лена ждала у двери молча, просто стояла.

– Слышала? – спросила я.

– Нет, но видела твое лицо, когда ты шла туда. И когда вышла, – она протянула мне кружку. – Держи.

– Ты всегда с кофе.

– Кофе помогает, – она смотрела серьезно. – Как?

– Нормально. Ошиблась. Получила. Буду исправлять.

– Он кричал?

– Нет. Хуже.

Лена понимающе кивнула. Она работала в этой компании второй год. Она знала, что тихий Громов страшнее громкого.

– Справишься?

– Куда я денусь.

Она улыбнулась. Я взяла кофе и пошла к себе.

С подрядчиком я встретилась в четверг.

Их юрист – мужчина лет сорока, опытный, с таким взглядом, который сразу говорит: я это видел тысячу раз. Он выслушал меня, посмотрел на предложенную формулировку и сказал:

– Наш клиент на это не пойдет. Пункт согласован и подписан.

– Пункт является нестандартным для данного типа договоров, – пошла в противостояние я. – Он создает дисбаланс ответственности, который ваш клиент при желании может использовать против нас даже при своем нарушении. Это не в интересах долгосрочного сотрудничества.

– Это в интересах нашего клиента.

– Сейчас да, – я не повышала голос. – Но «Громстрой» – крупный заказчик. Этот объект не последний. Если сотрудничество начнется с конфликта по спорному пункту, следующего объекта может не быть.

Он помолчал. Смотрел на меня.

– Вы молодой юрист.

– Да, – согласилась я. – Именно поэтому я еще не научи-

лась делать вид, что не вижу проблему, когда вижу.

Он посмотрел на меня иначе, не снисходительно, а словно с изумлением, словно для него я оказалась умнее, чем казалась изначально.

– Дайте вашу формулировку. Я покажу клиенту.

– Спасибо.

– Не благодарите пока. Он может отказать.

– Может. Тогда пойдем по второму варианту.

Он едва заметно улыбнулся. Встал и протянул руку.

– Хорошо поработали.

Я пожала руку. Это была маленькая победа. Не полная, они еще не согласились, но я сделала все, что могла сделать сегодня.

Остальное завтра.

Вечером в пятницу меня снова попросили зайти на двадцатый.

Я шла и думала: опять? Что еще? Но дверь была приоткрыта, и когда я вошла, в кабинете был только он. Никаких замов, никакого Мерзликина.

Он стоял у окна. Питер за стеклом, вечерний и медленный.

– Подрядчик согласился на протокол разногласий, – сказал он, не оборачиваясь. – Ответ пришел час назад.

– Хорошо.

– Вы не удивлены.

– Я на это рассчитывала.

Он обернулся и посмотрел на меня.

– Как вы их убедили?

– Сказала правду. Что это невыгодно для долгосрочного сотрудничества.

– И все?

– И то, что я молодой юрист, который еще не умеет делать вид, что не видит проблемы.

Что-то в его лице изменилось. Секунда, и снова ровно, но я заметила.

– Вы правильно сделали, что не оправдывались в среду.

Я молчала. Не ждала этого. Не ждала вообще никакой оценки того, как я держалась, только оценки работы.

– Большинство оправдываются, – продолжил он. – Это делает ошибку больше, а человека меньше.

– Я знаю. Меня так мама учила.

– Умная женщина.

– Очень.

Мы помолчали. Не тяжело. Этот кабинет, эта тишина... Я начинала к ним привыкать. К тому, что молчать с ним не неловко. Что не нужно заполнять каждую паузу словами.

– Как вы себя чувствуете? – спросил он вдруг.

Снова неожиданный вопрос. Не про работу.

– Нормально, – я подумала секунду. – Злюсь на себя, но это продуктивная злость.

– Продуктивная?

– Та, что заставляет работать лучше. Не та, что кипятит

кровь.

Он смотрел на меня. В его взгляде было что-то теплое и внимательное одновременно. Как будто он запоминал. Меня запоминал.

– Идите домой, Карина. Вы хорошо поработали на этой неделе.

Мое имя. Снова. И снова этот эффект, как будто что-то в груди становится горячим и очень тягучим.

Я не спросила про тот вечер, про сантиметр, про «это не конец разговора». Не потому, что забыла, потому что чувствовала: не сейчас. Есть момент для всего, и этот момент был не сегодня.

– Спокойной ночи, Виталий Андреевич.

– Спокойной ночи.

Я вышла.

На улице я остановилась и подняла голову. Небо над Петроградской было темным и чистым, редкость для Питера. Где-то высоко, почти незаметно, мигала звезда или самолет.

Неделя. Что это была за неделя? Ошибка, которая могла стоить всего. Разговор, который мог закончиться плохо. Переговоры, которые я не была уверена, что выиграю.

И он, который каждый раз оказывается чуть ближе, чем должен быть. Не физически, нет, после того вечера мы соблюдали дистанцию, но как-то иначе, как будто расстояние между нами измеряется уже не в сантиметрах.

Сколько еще недель будут длиться вот так? Сколько мож-

но держаться в этом странном пространстве между рабочим и личным, между можно и нельзя, между хочу и боюсь?

Не знаю, но уходить из этого пространства я не собираюсь.

Глава 11

Май в Питере начался неожиданно. Однажды утром я вышла из метро и почувствовала: воздух другой. Чуть светлее, чуть живее. Деревья на Петроградской стояли в молодой, почти неправдоподобно зеленой листве. Нева блестела иначе, чем в апреле, не серо, а с синевой, с каким-то достоинством.

Питер начинал мне нравиться. Я подумала об этом и поняла, что думаю не только о городе. Остановила свои мысли и пошла дальше.

Работы стало больше. Это было хорошо, некогда думать о лишнем. Два новых объекта, переговоры с городским комитетом по согласованиям, три договора на доработке. Я приходила в восемь, уходила в семь-восемь вечера, иногда позже. Ела за рабочим столом, кофе пила литрами, блокнот заполнялся быстрее, чем раньше.

Лена смотрела на меня с легким ужасом.

– Ты вообще домой ходишь?

– Хожу. Сплю там.

– Карина. Это нездорово.

– Это называется работа, Лена.

– Это называется бегство, – сказала она тихо и отвернулась к монитору раньше, чем я успела ответить.

Я не ответила.

Потому что она была права. Отчасти.

Работа – это работа, я люблю ее по-настоящему, но была и вторая причина. Когда ты занята до последнего нейрона, некогда прокручивать в голове один и тот же четверг, один и тот же сантиметр, одну и ту же фразу: это не конец разговора.

Он не возвращался к этому разговору. Неделю. Две. Мы работали рядом, виделись на совещаниях, он вызывал меня по делам, все ровно, все правильно, все как должно быть между руководителем и главным юристом.

Я убеждала себя, что это нормально. Иногда почти получалось.

Я начала замечать его детали. Не специально, просто, когда видишь человека каждый день, начинаешь замечать то, чего не видишь при редких встречах. Маленькие вещи, которые не попадают в официальный портрет.

Он никогда не опаздывал, ни разу за все время. Совещание в десять, он входил в девять пятьдесят восемь. Всегда.

Кофе пил черный, без сахара, и только из определенной кружки, темно-синей, без надписей, явно не корпоративной. Я видела ее у него на столе каждый раз.

Однажды спросила у Антона, просто так, без цели. Тот помолчал секунду и сказал: привез из поездки лет десять назад. Больше не объяснял.

Кружка из какой-то поездки десятилетней давности. Маленькая деталь, которая говорила: у него есть жизнь за пре-

делами этих стен. Была жизнь. Есть воспоминания.

Мне хотелось знать эту жизнь, и это было опасное желание.

Еще он иногда оставался после работы. Я узнала это случайно, охранник упомянул. Как-то я засиделась допоздна и, уходя, увидела в его кабинете на двадцатом горел свет. Я остановилась у окна на лестничной клетке и смотрела на это окно снизу. Одно светящееся окно в темном здании.

Что он там делает один? О чем думает? Так же смотрит в темноту за стеклом, как смотрел в тот вечер, когда я застала его у окна впервые?

Я не знала. Я пошла домой и почти всю дорогу думала об этом одном светящемся окне.

В середине мая на совещании произошло кое-что неожиданное. Обсуждали объект на юге города, большой жилой комплекс, проблемный с точки зрения согласований. Руководитель проекта Савельев докладывал бодро, с цифрами и сроками, и все было бы нормально, если бы я не заметила расхождение.

Не большое, но реальное. В разрешительной документации стояла одна площадь застройки, в рабочем проекте другая. Разница в восемь процентов. Восемь процентов на таком объекте – это не опечатка.

Я написала на листке бумаги одно слово и пододвинула Савельеву. Тот прочитал, побледнел и на секунду потерял нить.

– Продолжайте, – сказал Громов.

– Да, Виталий Андреевич, я... – Савельев посмотрел на меня, я едва заметно кивнула. – Есть расхождение в документации, которое нам нужно уточнить до следующего этапа.

– Какое расхождение?

Я взяла слово.

– В разрешении на строительство площадь застройки указана как четырнадцать тысяч квадратных метров. В рабочем проекте пятнадцать тысяч двести. Разница в восемь процентов. Это нужно привести в соответствие до начала работ, иначе при проверке будут основания для приостановки.

Тишина. Громов смотрел на документы, потом на Савельева.

– Почему это не было замечено раньше?

– Я... – Савельев сглотнул. – Упустили на этапе согласования.

– Светлова. Сроки исправления?

– Если подать заявление на корректировку разрешения сегодня, то две недели при хорошем раскладе. Месяц при стандартном.

– Подавайте сегодня.

– Принято.

Совещание пошло дальше. Савельев не смотрел на меня, не из обиды, из смущения. После, в коридоре, догнал.

– Спасибо, – сказал он коротко. – Вы меня вытащили.

– Я сделала свою работу.

– Нет, – он покачал головой. – Вы могли промолчать. Я сам должен был заметить, но вы дали мне возможность сказать самому, не поставили под удар при всех.

Я не думала об этом в тот момент. Просто написала записку, потому что публичный разгром не помог бы исправить документы быстрее.

После совещания Громов задержал меня взглядом.

Не словом, именно взглядом. Все выходили, я собирала бумаги, и когда подняла голову, он смотрел. Не строго, просто смотрел. Секунду, может две. Потом отвел глаза и что-то сказал Антону.

Я вышла в коридор и прислонилась к стене на секунду. Один взгляд, просто взгляд, и я уже чувствую его кожей.

Это становилось проблемой. Настоящей, серьезной проблемой, с которой я не знала, что делать. Потому что с юридическими проблемами я умею справляться, есть закон, есть практика, есть логика. А с этим что? Запрещать себе чувствовать? Пробовала. Не работает. Делать вид, что ничего нет? Тоже пробовала. Тоже не работает.

Оставалось одно – жить с этим. Работать рядом с ним, думать о нем вечерами, замечать его детали, его кружку, его одно светящееся окно и держать все это внутри.

Пока держать.

В последнюю пятницу мая Лена потащила меня на набережную.

– Ты не выходила на улицу две недели, – заявила она. – Это медицинский факт. Пойдем.

– Я выходила. Каждый день. На работу.

– Это не считается. Пойдем, говорю. Там бело-красиво, там белые ночи начались, там люди живут.

Я сдалась. Мы шли по набережной Невы, Лена болтала про что-то свое, кажется, про того зама, в которого она была немного влюблена уже третий месяц. Я слушала и смотрела на воду.

Белая ночь была странной. Светло, как в сумерках, но сумерки не заканчивались, небо бледно-голубое, почти белое, и в нем отражалась река.

Красиво. Питер умеет.

– Карина, – Лена вдруг остановилась.

– Что?

Она смотрела куда-то вперед, вдоль набережной. Я проследила за ее взглядом.

Метрах в пятидесяти от нас, у парапета стоял мужчина. Один, без пиджака, в светлой рубашке с закатанными рукавами. Смотрел на воду.

Я узнала его раньше, чем успела подумать.

Громов.

Лена взяла меня за руку.

– Идем обратно.

– Нет.

– Карина...

– Лена. Мы просто гуляем. Набережная – общественное место.

Она посмотрела на меня. Я смотрела вперед. Мы пошли дальше.

Когда мы поравнялись с ним, он обернулся, почувствовал, наверное, шаги или голоса. Увидел меня. Что-то мелькнуло в его лице, не удивление, воодушевление, но я могу ошибаться.

– Добрый вечер, – сказал он.

– Добрый вечер, Виталий Андреевич.

Лена рядом превратилась в абсолютно молчаливый предмет. Это было с ее стороны героически.

– Гуляете? – спросил он.

– Да. Лена говорит, я давно не выходила на улицу.

– Лена права.

Я почти улыбнулась.

– А вы? – спросила я и сразу удивилась, раньше не позволяла себе спрашивать. – Тоже гуляете?

Он помолчал секунду и посмотрел на воду.

– Иногда прихожу сюда. Думать.

Просто и неожиданно честно. Я не ожидала такого ответа.

– О чем думаете?

Он посмотрел на меня довольно продолжительно.

– О разном.

Большого он не сказал, но в том, как он это произнес и как смотрел при этом, было что-то, отчего я не рискнула спра-

шивать дальше, просто кивнула.

– Приятного вечера.

– И вам.

Мы пошли дальше, Лена молчала ровно тридцать секунд. Я считала.

– Он смотрел тебе вслед, – сказала она, наконец.

– Лена.

– Я просто говорю.

– Не говори.

Она замолчала.

Я смотрела на воду и старалась не думать о том, что чувствую у себя на спине его взгляд, что, возможно, он все еще стоит у парапета, что белая ночь делает все чуть более нереальным, чем оно есть на самом деле.

О чем он думает? О работе? О прошлом, которое я чувствую за ним, но не понимаю? О ком-то, кого уже нет рядом?

Или совсем тихая мысль, которую я почти не позволила себе думать. Обо мне?

Домой я пришла поздно.

Белая ночь не заканчивалась, в комнате было светло даже без лампы. Я легла на кровать не раздеваясь. Смотрела в потолок.

Позвонила мама, я не успела первой, она опередила.

– Поздно гуляешь.

– Откуда знаешь, что гуляла?

– Голос другой. Когда ты из офиса голос рабочий. Сейчас

другой.

Мамы все знают, это факт.

– Ходила на набережную с Леной.

– Хорошо. Надо гулять. Карина, как ты, вообще, там?

– Хорошо, мам. Правда. Чего вдруг спрашиваешь?

– Не одиноко?

Я думала секунду.

– Нет. Не одиноко.

– Работа нравится?

– Очень.

– А люди?

Один человек, вдруг подумала я...

– Люди нормальные. Мам, спи. Поздно уже.

– Тебе тоже надо спать.

– Лягу сейчас.

– Ешь нормально.

– Мам.

– Что мам. Люблю тебя.

– И я тебя. Спокойной ночи.

Я положила телефон и уставилась в потолок.

За окном Питер тихо светился белой ночью. Не темнел, просто менял оттенок, с голубого на чуть более темный голубой.

Я думала о нем у парапета. О том, как он смотрел на воду, и что в этом взгляде было что-то одинокое, словно у него есть груз на плечах, а передать некому, сбросить тоже не может.

Что он несет? Что за тайна живет в его прошлом, которую я чувствую каждый раз, когда вижу его вот так, не за рабочим столом, не во главе совещания, а просто как человека у воды?

Я хотела знать. Сильнее, чем неделю назад. Сильнее, чем месяц назад.

Это было опасно, я понимала. И узнала уже через несколько дней.

Глава 12

Кравец появился в среду.

Я не знала тогда, что это Кравец. Просто увидела незнакомого человека в переговорной, через стеклянную стену, мельком, проходя мимо с папкой.

Мужчина лет пятидесяти пяти, крупный, в хорошем костюме. Лицо приятное, даже располагающее, но совершенно нечитаемое.

Рядом с ним сидел Антон, напротив Громов.

Я замедлила шаг. Не потому, что хотела подслушать, просто что-то зацепило, но не в знакомце, в Громове. Он сидел прямо, руки на столе, лицо совершенно спокойное. Но я уже достаточно наблюдала за ним, чтобы различать оттенки этого спокойствия. Сейчас оно было другим. Не рабочим. Каменным.

Так выглядит человек, которому нужно держать лицо.

Я прошла мимо. Зашла к себе, положила папку на стол и

установилась в монитор, не видя ни строчки.

Встреча длилась около часа. Я знала это, потому что видела, как незнакомец выходит. Он шел по коридору мимо моего кабинета, неторопливо, уверенно, с таким разворотом плеч, словно он – хозяином положения. На мою приоткрытую дверь взглянул мельком.

И остановился.

Я не успела опустить голову, и мы встретились взглядами.

Внезапно он улыбнулся.

– Добрый день.

– Добрый, – ответила я.

– Вы новый юрист? – он кивнул на табличку у двери, где уже появилась моя фамилия. – Светлова?

– Да.

– Борис Романович Кравец, – он не вошел, просто стоял в дверях. – Старый знакомый Виталия Андреевича. Очень старый.

Кравец. Б. Р. Кравец – имя из документа в Росреестре. Доверитель по сделке с подставной фирмой в две тысячи пятом. Участок «Северная гавань».

Я узнала его раньше, чем он представился. Точнее, узнала имя и постаралась, чтобы это не отразилось на лице.

– Приятно познакомиться, – сказала я ровно.

– И мне, – он смотрел на меня с тем же открытым выражением, но изучающе, оценивающе, незаметно, профессионально. – Молодой специалист. Это хорошо. Свежий взгляд.

– Стараюсь.

– Старайтесь, – он чуть наклонил голову, будто прощаясь.

– Только осторожно, деточка, у Виталия Андреевича сложная карма.

Деточка?

Я смотрела на него и никак не комментировала его реплику. Просто смотрела. Ровно, спокойно, не отводя взгляда.

Он ждал реакции, смущения, наверное, или вопроса, или хоть чего-то, по чему можно прочесть человека.

Не дождался.

– Всего доброго, – сказала я.

Улыбка осталась на его лице, а вот глаза перестали улыбаться.

– Всего доброго, Светлова.

Он ушел, я слышала его шаги по коридору, все такие же неторопливые, уверенные. Потом тишина.

Я выдохнула. Медленно, почти бесшумно.

Деточка. Сложная карма. Он сказал это так, будто делал мне одолжение. Предупреждал или проверял.

Я не знала зачем, но знала одно: этот человек из документа в Росреестре, из темного угла истории участка, который я раскопала три месяца назад. И он здесь, в офисе, говорил с Грозовым, как со старым знакомым.

Это не случайно. Ничего из этого не случайно.

Антон зашел ко мне через двадцать минут. Без предупреждения, просто открыл дверь и встал на пороге.

– Кравец с вами говорил? – спросил он.

– Да. Представился, сказал, что старый знакомый Виталия Андреевича.

– Что еще?

– Что у нашего босса сложная карма, – я вскинула брови.

– Вы хотите узнать, испугалась ли я?

Антон помолчал.

– Нет. Хочу узнать, что вы об этом думаете.

Антон всегда спрашивал то, что хотел спросить, без обходных маневров.

– Думаю, что это имя я уже видела. В архивном документе по Северной гавани.

Выражение лица Антона не изменилось, но он совсем немного прищурился.

– Помните, что сказал Громов Виталий Андреевич тогда?

– Не ищите пока.

– Правильно.

– Антон, – я сложила руки на столе, потому что все же волновалась. – Этот человек опасен?

Антон долго, дольше нужного помолчал.

– Он сложный человек. С серьезными интересами.

– Это не ответ на мой вопрос.

– Это все, что я могу сказать.

И мы оба понимали, что он сказал больше, чем собирался, и меньше, чем знал.

– Ладно. Спасибо.

Он кивнул и вышел. Я повернулась к монитору, на экране был открыт договор, который я правила до появления Кравца. Я смотрела на него и ничего не видела.

Сложный человек с серьезными интересами. И Громов, который сидел перед ним с каменным лицом. И документ две тысячи пятого года. И фраза: не ищите пока.

Пока – значит, есть момент, когда нужно будет искать. Значит, это незакрытая история, она открытая, она продолжается, и я уже каким-то образом в ней. Вопрос только в том, насколько глубоко.

Громов вызвал меня в конце дня. Не через Антона, а сам позвонил на внутренний. Коротко: зайдите. Я зашла.

Он стоял у окна. Питер за стеклом был вечерним, майским, живым. Он на него не смотрел.

– С вами говорил Кравец, – сказал он утвердительно.

– Да.

– Что сказал?

– Представился, назвал себя вашим старым знакомым, сказал, что у вас сложная карма. Назвал меня деточкой.

Что-то в лице Громова дрогнуло. Едва заметно, как всегда.

– И?

– И я пожелала ему всего доброго.

– Вы не испугались.

– Нет.

– Почему?

Я подумала секунду.

– Потому что я не знала еще, кто он. Теперь знаю больше, и теперь, наверное, стоило бы бояться, но все равно не боюсь.

– Почему теперь не боитесь?

– Потому что бояться, значит отступать. А я не собираюсь никуда отступать.

Он смотрел на меня долго, этим своим взглядом, от которого хочется или выйти, или остаться навсегда. Третьего не дано.

– Виталий Андреевич, – решила я на вопрос. – Кто он вам?

Молчание. Длинное, плотное. Громов отвернулся к окну и смотрел на Питер. Я ждала.

– Человек из той жизни, – сказал он, наконец. – В которую вам не нужно заходить.

– Я уже зашла. Три месяца назад. Когда нашла его имя в архиве.

Он обернулся, посмотрел на меня, быстро и остро. Я не поняла, что именно он искал в моем лице, но что-то искал.

– Тогда будьте осторожны, – сказал он тихо.

– Буду. Но вы мне расскажете? Когда-нибудь?

Долгое молчание. Такое, что я начала думать, что зря спросила. Слишком много. Слишком рано.

– Когда-нибудь.

Не да, не обещание, просто когда-нибудь. Мне хватило. Значит и правда, расскажет.

Я почти вышла из кабинета, когда Громов окликнул меня.
– Карина.

Я остановилась, сердце, как всегда, когда он называет меня по имени, взяло стремительный разбег.

– Да?

– Вы сказали ему «всего доброго».

– Да.

– Это было правильно. Не потому, что вежливо, потому что не дали ему ничего. Он пришел смотреть, вынюхивать, искать верную реакцию на него. Вы не дали ему ничего из этого.

Я стояла у двери, и мне так приятно было слушать от него похвалу, что непременно захотелось сделать еще что-нибудь правильное. Но вместо этого я просто сказала:

– Спокойной ночи, Виталий Андреевич.

– Спокойной ночи.

Я вышла, в лифте прислонилась к стене и закрыла глаза.

«Из той жизни, в которую вам не нужно заходить».

Я уже зашла, и мы оба это знаем. Вопрос только в том, как далеко я готова идти? И готов ли он позволить мне это?

Глава 13

Громов

Пять утра. Каменный остров просыпается медленно. Я люблю это время. Варю себе кофе, смотрю в окно, никого вокруг нет, тишина, только я и мои мысли.

Сегодня думаю о ней. Снова. Это стало привычкой, которую я не собирался укоренять. Просто в какой-то момент обнаружил, что часто думаю о ней, особенно, когда остаюсь один и не занят работой.

Не нравится мне это. Совсем не нравится.

Но я честный человек, по крайней мере с собой, поэтому да, я умаю о Карине, думаю каждое утро, иногда ночью, иногда посреди совещания, когда должен думать о сметах.

И это становится проблемой.

Она появилась в апреле. Маленькая, светловолосая, с хвостом и в сером пиджаке. Смотрела прямо, это я заметил сразу. Большинство новых сотрудников так не смотрят, опускают глаза, изучают пол, делают вид, что очень заняты бумагами. Она нет. Она не боится.

Я поинтересовался у Антона, кто она, а потом долго убеждал себя, что это был лишь профессиональный интерес, проверял сотрудников, держал руку на пульсе. И все.

Врал себе. Знаю.

Профессиональный интерес не заставляет замечать, как человек поправляет волосы, как хмурится над документом, как пьет кофе стоя, торопливо, потому что некогда присесть.

Я замечал. Все это замечал.

Она красивая и это факт, а я привык работать с фактами. Когда думает, чуть прищуривается, когда не согласна, поджимает губы, на секунду, прежде чем сказать. Я это выучил наизусть. Сам не заметил как.

Мне сорок пять лет, и я не мальчик, который краснеет от красивого лица, но когда она стоит рядом, я ее чувствую. Ее тепло, запах волос, движение. Чувствую опытной кожей и не хочу отпускать. Это не романтика, это физиология. Я мужчина, она женщина, и между нами есть то самое живое и острое, но чертовски неудобное. Из-за разницы в возрасте.

Я бы мог с ней поступить, как десятком других женщин: на одну ночь, может на две или пока не надоест, отношения ради секса, не ради друг друга, но с ней, почему-то так не хочется, с ней так нельзя.

На последнем совещании она сидела напротив, говорила про какой-то договор, четко, по делу, я слушал или делал вид, что слушал. На самом деле смотрел на ее руки, как держит ручку, как листает папку.

Потом поймал себя на этом. Разозлился. На себя. Сосредоточился на договоре. Помогло минут на десять.

Кравец сегодня назвал ее деточкой.

Антон передал. Я слушал и думал: если бы он сделал это при мне, разговор закончился бы иначе. Не потому, что она моя сотрудница, не потому что ответственность работодателя. Потому что – нельзя.

Вот тут я остановился. Сам себя остановил.

Потому что нельзя – это уже не профессиональная реакция. Это другое. Это когда сжимается внутри при мысли, что кто-то смотрит на нее, как на мелкую помеху, как на деточку, которую можно напугать и убрать.

Не уберут. Я не позволю. В этот раз не позволю.

– Ты знаешь ее адрес? – спрашиваю Антона и понимаю, что давно знает.

– Да.

– Камера на подъезде?

– Проверил. Есть и рабочая.

– Подключись.

Антон получил инструкцию, не спросил зачем, знает меня двенадцать лет, но взглядом дал понять, что понимает больше, чем я позволяю окружающим. Промолчал. Умный парень.

Вечером сижу у окна. Темно. Тихо.

Восемь лет я жил без того, чтобы кто-то занимал мои мысли. Были женщины, редко, ненадолго, без последствий с обеих сторон, но ни одна не осталась в моих мыслях.

Карина остается. Это меня беспокоит. Seriously беспокоит.

Не потому, что она молодая, двадцать два года... я понимаю разницу. Не потому, что работает у меня, это решаемо. Беспокоит другое. Хотя и это тоже мешает, но, черт возьми, можно закрыть глаза.

Я боюсь, что она станет важной. Что я позволю ей стать важной.

А важных людей теряют. Это я знаю точно. Лично. Теряют с конкретной датой и местом: ноябрь, Приморское шоссе.

Наташа была важной для меня, самым важным человеком

в моей жизни, и это стоило ей жизни, прямо или косвенно, доказать невозможно, но я знаю. Я всегда знал.

Поэтому восемь лет рядом никого важного. Осознанно, согласно принятого решения, чтобы больше не терять, чтобы больше не быть причиной чьей-то смерти.

И вот Карина. Приехала из Перми с рюкзаком, ошиблась дверью в первый день, нашла документ, который не нашел никто, смотрит прямо, не боится меня, тянется, цепляет за костенелые струны души и заставляет меня посмотреть дальше собственного офиса.

Встаю, иду на кухню, наливаю воды и пью.

Смотрю на фотографию Наташи на полке. Она смеется, громко, запрокинув голову. Наташа никогда не смеялась тихо.

Карина смеется иначе. Редко, когда смеется, получается тихо и тоненько, как птичка. Я видел это два раза и оба раза запомнил.

Ложусь в час ночи. Темнота. Тишина. Каменный остров не шумит, здесь всегда тихо. Это я и выбирал когда-то.

Лежу и думаю не о суде, не о Кравце, а о том, что она сейчас в коммуналке на Лиговском в маленькой комнате с окном во двор-колодец. Я не был там, но уже знаю адрес, знаю район и вполне могу представить, как внутри.

Сильная, упрямая, прямолинейная, не гнется. Ошиблась с договором, признала без оправданий, Кравец навел страх, знаю, что точно пытался, она не показала, что испугалась. Я

даю сложные задания, делает, не жалуется, не просит помощи лишний раз.

И при всем этом она невероятно мягкая и чуткая, и я хочу это будить в ней все чаще. Молодая, живая, каким-то образом трогает меня так сильно глубоко, как никто за восемь лет. Хочу это все для себя, не для других, чтобы только при мне такая.

Вот это совсем плохо. Переворачиваюсь на другой бок и закрываю глаза, но мысли закрыть не получается.

Она сотрудник, ей двадцать два, у меня темное прошлое, живой враг и привычка закрываться, когда кто-то становится важным. Я причиню ей боль, не потому, что захочу, просто так получится. Так всегда получается.

Говорю себе все это, но все равно засыпаю с мыслями о ней. Ладно, думать можно, думать – это не шаг навстречу. Мне нельзя к ней приближаться близко и ее пускать нельзя.

Завтра в девять она придет в офис.

Это, пожалуй, единственное утешение на сегодня.

Глава 14

Карина

О командировке я узнала в пятницу утром.

Антон положил на стол распечатку: маршрут, объект, время выезда. Выборг, коттеджный поселок, встреча с местным земельным комитетом в понедельник. Выезд в воскресенье вечером.

– Кто едет? – спросила я.

– Громов Виталий Андреевич. Вы. Я.

Трое. Машина. Несколько часов дороги. Ночь в чужом городе.

Я посмотрела на распечатку еще раз, как будто там могли появиться дополнительные участники поездки.

Не появились.

Выехали в воскресенье в шесть вечера.

Машина большая, темная. Антон за рулем, я устроилась на заднем сиденье справа, у окна, Виталий сел слева. Между нами полсиденья и молчание.

Нормальное молчание, рабочее. Я открыла папку с документами на планшете, он достал бумажные листы. Мы работали и не разговаривали.

Все правильно. Все как надо.

За Зеленогорском стемнело. Дорога шла вдоль залива, я видела воду краем глаза, темную, тихую. Антон включил музыку, совсем тихо, фоном, я отложила работу, Виталий тоже убрал бумаги и посмотрел в окно.

Я зависла на его профиле в темноте, резком, серьезном, гладковыбритом, а затем заставила себя отвернуться.

И в этот момент его рука легла на мою.

Не взяла, а именно легла. Покровительственно, уверенно, как кладут руку, чтобы показать принадлежность. Его пальцы накрыли мои, все сразу и плотно. Сжали один раз, остались так и окутали своим теплом.

Я не двигалась, физически не могла. Что-то замкнуло между мозгом и телом, и тело просто перестало слушаться команд. Я сидела и чувствовала его руку на своей, а еще тепло, которое шло от его ладони вверх до самого плеча и дальше куда-то внутрь, к сердцу, где сразу стало жарко и трепетно одновременно.

Сердце, оно не колотилось, нет, оно как будто остановилось на секунду, а потом пошло медленнее обычного, словно боится показать себя и спугнуть момент.

Я смотрела в окно, он смотрел в свое. Антон вел машину. Музыка тихая. Дорога на Выборг длинная.

Его рука не двигалась, просто держала мою, и я вдруг отчетливо поняла, что не хочу, чтобы он убирал ее. Не сейчас. Никогда.

От этой мысли стало еще жарче, и я даже заволновалась

Мы ехали молча, долго, может час, может больше, я потеряла счет времени, считала только удары сердца и наслаждалась теплом его руки.

Мы не смотрели друг на друга, но между нами происходило то тихое, которое без слов и настоящее.

Когда машина въехала в Выборг и притормозила на первом светофоре, он убрал руку. Просто убрал, как будто ничего не было. Я медленно выдохнула. Первый раз за час.

Рука почувствовала холод там, где только что было тепло. Это было почти больно.

Гостиница маленькая, каменная, но очень уютная. Антон

разобрался с ключами. Мне достался номер на втором этаже: кровать, стол, окно с видом на черепичные крыши. Я поставила сумку на пол и засмотрелась в окно.

В мыслях его шаг, впервые такой открытый. Это глупо, я знаю, это просто рука, просто прикосновение, и все. Но мне нравилось вспоминать этот момент. Он грел душу.

В дверь постучали. Это был Антон.

– Виталий Андреевич приглашает на ужин. Ресторан в двух кварталах. Через двадцать минут.

Все правильно, мы приехали поздно, голодные, нужно поужинать. Это просто ужин. Я достала единственное платье, которое взяла, темно-синее, простое, с длинными рукавами. Не для ресторанов, но другого не было.

Ресторан был маленьким, деревянные столы, живые свечи, запах можжевельника и чего-то мясного с кухни. Почти пустой.

Виталий уже был за столом, встал, когда я подошла. Я не ожидала. Никогда не ожидаю от него простых человеческих жестов. Он всегда для всех держится со мной отстраненно, но не сегодня.

Официант принес меню. Виталя его не открыл.

– Вы голодны? – спросил он.

– Да.

– Доверяете выбрать?

Я посмотрела на него и подумала лишь секунду.

– Конечно.

Он что-то сказал официанту, негромко, я не расслышала. Официант кивнул и ушел. Виталя отложил меню и повернулся ко мне.

– Устали?

– Нет. Мы сейчас не на работе?

– Нет, – покачал головой Громов и чуть прищурился.

– Тогда можно без Виталия Андреевича? – не знаю, откуда у меня столько смелости, но рука в машине явно сыграла не последнюю роль.

Что-то в лице Витали изменилось, стало мягким, расслабленным.

– Можно, – кивнул он и улыбнулся уголком губ.

А у меня в груди теплая патока разлилась по сердцу. Глупо, наверно, он просто разрешил называть его по имени, а у меня уже такая реакция. Хотя как иначе, когда до сегодняшнего вечера он делал все, чтобы не приближаться ко мне ни шаг ближе.

Принесли еду. Что-то с олениной, с можжевелевым соусом, с хлебом, который еще теплый. Вкусно.

Мы ели, говорили, Виталя спрашивал про Пермь, про детство, про то, как я оказалась на юридическом. Слушал, уточнял, по-настоящему и с любопытством.

А я насмотреться на него не могла. Сейчас он другой, не такой, как на совещаниях, не пугает, не морозит взглядом, не давит присутствием. Сейчас он настоящий и почти открытый.

Потом он наполнил мой бокал вином. Поднялся, потянулся с бутылкой, а его другая рука оказалась рядом с моей на столе. Он не убрал ее сразу. Она лежала рядом, но не касаясь.

Я смотрела на эти две руки, его большую и темную, мою маленькую и думала, что еще чуть-чуть, и я сама накрою его руку своей. Сама. Первой.

Удержалась. Испугалась. Я совсем несмелая.

После ужина вышли на улицу. Мы шли рядом, потом он взял меня за руку. Просто взял, без предупреждения, без вопроса, просто его рука нашла мою в темноте и взяла. Крепко, уверенно, и я почувствовала посыл, защиту, намерение, безмолвное обещание.

Мы шли по улице к гостинице, где-то играла музыка, финская, медленная. У маленького киоска Виталий внезапно остановился.

– Мороженое? – спросил он. Серьезно, как спрашивает про рабочий вопрос.

Я посмотрела на него, на этот маленький советский киоск посреди ночного Выборга и на его серьезное лицо.

– Да, с удовольствием, – улыбнулась я.

Он купил два стаканчика. Ванильных. Протянул мне один. Мы стояли у киоска и ели мороженое в темноте и это было так неожиданно-обычно, так по-человечески, что у меня перехватило горло.

Виталий Громов, владелец строительной империи, ест мороженое у ночного киоска в Выборге и держит мою руку.

Жизнь – странная вещь.

К гостинице мы подошли, когда стрелки перевалили за полночь. Мы стояли у входа, старый каменный фасад, один фонарь над дверью и тишина.

Я собиралась сказать спокойной ночи.

Он не дал.

Повернулся ко мне, и я увидела его лицо вблизи, в свете того одного фонаря. Он смотрел на меня, как смотрят, когда хотят и не позволяют себе, когда борются с желанием и проигрывают.

Я поняла, что сейчас будет. За секунду до того, как случилось.

И не отступила.

Его рука поднялась, медленно, как всегда у него, без спешки и коснулась моего лица. Ладонью, теплой, большой. Просто держал секунду, смотрел, потом наклонился. Когда его губы коснулись моих, я перестала думать и дышать тоже.

Это единственное точное описание. Просто перестала все. Мысли, слова, осторожность, вся эта броня, которую я носила месяцами, все исчезло. Осталось только это: его губы, теплые и уверенные, его рука на моей щеке, булыжники под ногами, запах залива.

Сердце, оно билось так, что я его слышала. По-настоящему слышала, в ушах, в висках, в кончиках пальцев. Громко, неровно, ненормально громко для ночной тишины.

Он целовал меня неторопливо, нежно, глубоко, с той

сдержанной силой, которая была во всем, что он делал, как человек, который, если уж решил, то до конца.

Я держалась за его пальто обеими руками, иначе бы упала, не потому, что слабая, а потому что ноги перестали быть опорой. И растворялась в этой долгожданной ласке.

Он почувствовал это, как я еле держусь, его рука скользнула с щеки на затылок, притянула чуть ближе, другая легла на поясницу, надавила, вжала меня в него.

Мне, кажется, я даже тихо застонала, но скорее всего, показалось, потому что я стонала про себя.

Когда он нехотя отстранился, я не сразу открыла глаза. Стояла и дышала.

– Карина, – позвал он тихо.

Мое имя его голосом – рай для ушей. Я открыла глаза.

Он смотрел на меня близко и серьезно. В его взгляде не было сомнения, только уверенность и теплая, говорящая обо всем поволока.

– Идем, – чуть улыбается он. – Поздно уже, не выспишься.

Я механически кивнула и пошла за ним, рука в руке, он ведет, я иду следом.

Он довел меня до двери моего номера и остановился.

– Спокойной ночи, – Громов нежно погладил меня по щеке и посмотрел так, словно запоминал каждую черточку.

– Спокойной, Виталя.

Глаза в глаза лишь на секунду, затем зашла в свой номер. Нет, не зашла, сбежала, спряталась.

И прислонилась к двери спиной.

Я стояла и не двигалась, чувствовала спиной дверь, как все еще неровно бьется сердце, все еще слишком громко и тормозить не собирается.

Его губы, его рука на затылке, ладонь на пояснице, туман в глазах.

Я закрыла глаза и слушала себя изнутри. Приняла решение, резко оттолкнулась от двери, развернулась и открыла ее.

Коридор пустой, тихий, его дверь дальше, закрытая. Я стояла в дверях своего номера и буквально держалась за косяк.

Пойти или не пойти?

Постучать в его дверь, и что? Что я скажу? Что я хочу? Что я думала об этом всю дорогу от Питера, все время в ресторане, все время, пока он держал мою руку.

Он знает. Он точно знает все и без меня. Знает и оставил выбор. Не надавил, потому что тогда я бы сразу сдалась.

Я стояла и не могла сдвинуться с места. Ни туда, ни обратно.

Коридор был пустым, тихим, дверь его номера закрытой, а я, наконец, сдвинулась с места и тоже закрыла свою.

С той самой нужной стороны.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.